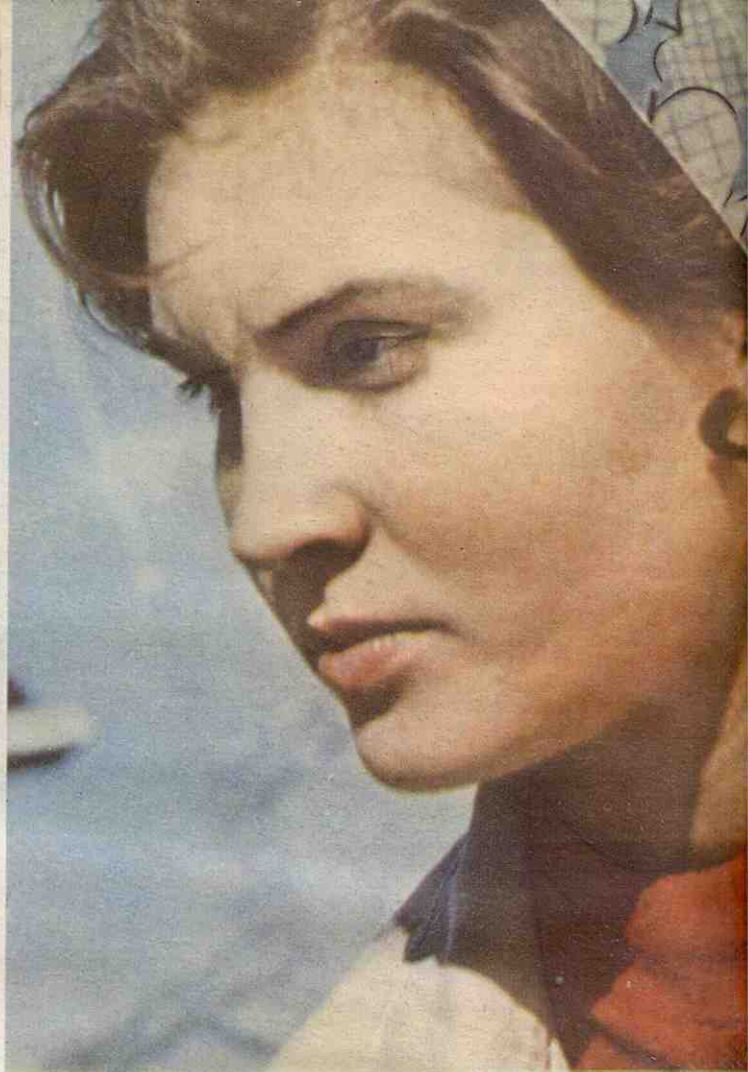

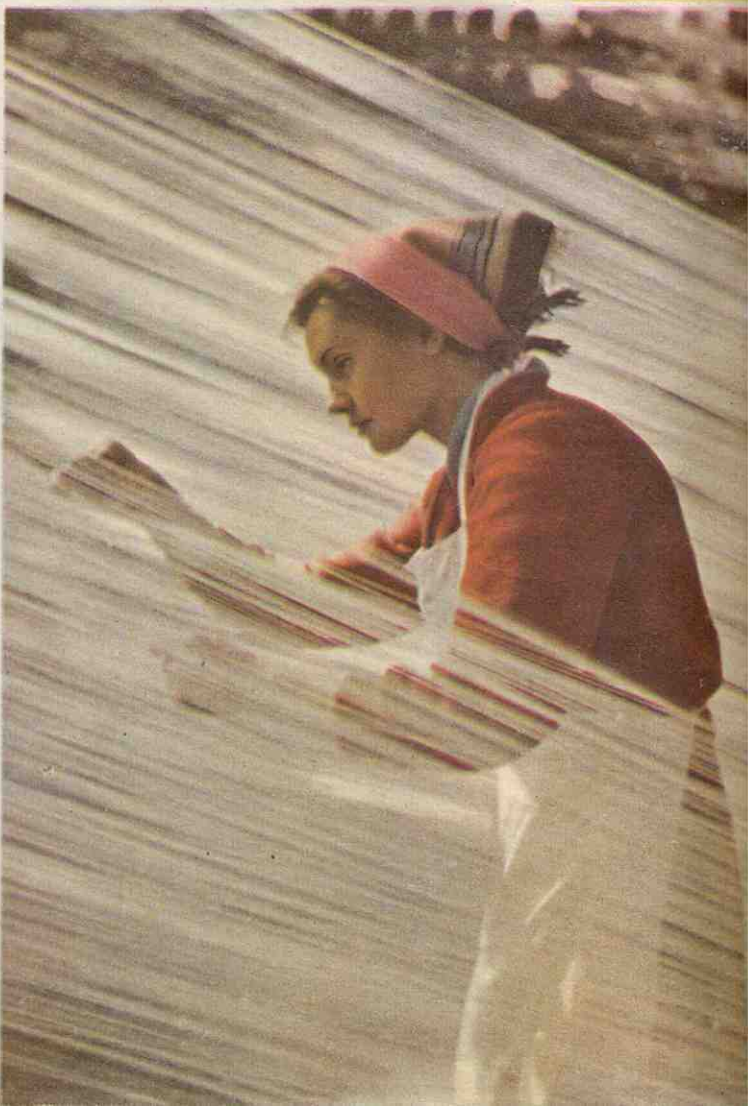

50

РАБОТНИЦА

50

ЛЕТ

Это началось на заре Советской власти: девушка в лаптях встала однажды к тискам, взяла в руки напильник, сделала первое робкое движение... Прошли годы. Далеко вперед вместе со своей преобразенной страной ушли наши женщины. И вот уже восторженно рукоплещет вся планета советской женщине, первой из женщин поднявшейся в космос.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 8 марта 1914 года * Издательство «Правда»

м а р т 1964 г о д

3

ЖУРНАЛУ „РАБОТНИЦА“

ЕГО РЕДАКЦИИ, АВТОРСКОМУ АКТИВУ И ЧИТАТЕЛЯМ

В день 50-летия журнала «Работница» редколлегия «Правды», весь коллектив правдивостов шлют юбиляру сердечные поздравления, горячий коммунистический привет!

Журнал «Работница» — родная сестра ленинской «Правды». Этот первый женский большевистский журнал в России был создан по инициативе Владимира Ильича. В трудную пору революционного подполья «Работница» вспыхнула ярким огоньком, который звал к борьбе за раскрепощение женщин, за счастье трудового народа.

История журнала тесно связана с борьбой ленинской партии за победу Великого Октября. В дни подготовки социалистической революции, когда партия ушла в подполье, а «Правда» была закрыта, Центральный Комитет большевистской партии обращался к народу со страниц журнала «Работница». В те дни в журнале появилась известная статья В. И. Ленина «Три кризиса».

Журналом пройден славный полувековой путь. В первые годы издания тираж его исчислялся всего десятками тысяч экземпляров, теперь «Работница» стала одним из самых массовых журналов — его тираж перевалил за 4 миллиона...

Великий Ленин учил партию, что втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин, что дело социалистического строительства будет упрочено только тогда, когда в нем примет участие миллионы женщин. Журнал «Работница» неутомимо помогает партии выполнять этот ленинский завет — все теснее приобщать трудящихся женщин к общественно-политической жизни, воспитывать замечательные кадры женщин-тружениц в промышленности, сельском хозяйстве, в области науки и техники, на поприще культуры и искусства. Многие его активистки, читательницы — представительницы всех народов нашей многонациональной Советской Отчизны — стали видными государственными и общественными деятелями, талантливыми руководителями на различных участках хозяйственной, политической и культурной жизни страны.

Большой вклад вносит журнал «Работница» в общенародное дело воспитания юного поколения нашей страны. Он помогает женщинам-матерям растить здоровых, жизнерадостных детей, воспитывать своих сынов и дочерей честными, трудолюбивыми, сознательными гражданами, верными патриотами Родины, преданными делу коммунизма.

Неоценима роль журнала в укреплении единства женщин стран мирового социалистического содружества, в укреплении солидарности и сплочения сил трудящихся женщин всех стран. Со страниц «Работницы» страстно звучит мужественный голос женщин — борцов за мир, за равноправие и национальную независимость, против угрозы термоядерной войны.

В наши дни «Работница» несет в многомиллионные массы женщин пламенное слово Коммунистической партии, мобилизует их на претворение в жизнь исторических решений XXII съезда партии, на борьбу за утверждение великих идеалов коммунизма — за Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов!

От души желаем коллективу журнала «Работница» новых творческих удач, больших успехов в коммунистическом воспитании славных дочерей нашей Родины.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

В. И. Ленин. 1919 г.

ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

«Работнице» 50 лет! В этот день мы, представители старшего поколения ленинской партии, шлем ей свои горячие поздравления.

Ее рождение было подготовлено всей предшествующей работой партии среди женщин. Владимиру Ильичу Ленину принадлежит мысль создать специальный журнал для работниц. С одобрения Ленина вступила «Работница» в жизнь и вот уже пятьдесят лет несет идеи ленинизма в широкие женские массы.

С самого первого номера — четверть века — была с ней связана Н. К. Крупская. У колыбели журнала стояли такие пламенные большевики, как А. И. Елизарова, К. Н. Самойлова, И. Ф. Арманд, П. Ф. Куделли, Л. Н. Сталь, К. И. Николаева.

На заре своего рождения, когда в стране свирепствовала полицейская цензура и жесточайшие преследования революционной мысли, журнал будил классовое самосознание работниц, готовил из них борцов в общем строю рабочего класса, защищал интересы женщин. Журнал неустанно говорил пролетаркам, что нет у них других интересов, кроме общерабочих, что только вместе со всем рабочим классом, в общей борьбе против эксплуататоров могут они добиться настоящего равноправия.

С первого своего дыхания «Работница» стала организатором, страстным агитатором и пропагандистом идей ленинской партии среди тружениц.

Перелистайте тоненькие номера «Работницы» 1914 года и вы увидите, что даже самая маленькая заметка зовет женщин к организованной борьбе. «Работница» 1914 года оставила неизгладимый след в сознании русских пролетарок. Семена, посеянные ею, не заглохли и дали богатые всходы.

В 1917 году, после июльских событий, в одном из номеров «Работницы» была напечатана статья В. И. Ленина «Три кризиса». В типографию явился юнкера, чтобы конфисковать номер с ленинской статьей. Но работницы сумели вынести, распространить журнал, и дорогое ленинское слово дошло до пролетарских масс.

«Работницу» пролетарки встречали с радостью, они нетерпеливо ждали выхода каждого номера, помогали его изданию своими трудовыми грошами.

В тревожные месяцы лета 1917 года журнал созывал массовые митинги и собрания пролетарок Питера. При его активном участии сразу после победы Октябрьской революции была проведена первая общегородская конференция работниц Петрограда.

Вспомним 1918 год... Разруха. Голод. Против молодой Республики Советов воюют четырнадцать иностранных государств. Но партия созывает первый Всероссийский съезд женщин — такое большое значение придает она участию женщин в преобразовании жизни. Здесь прозвучали восторженные слова Ленина о том, что социализм нельзя построить без участия женских масс.

Журнал из года в год старался передать читательницам горячую веру Ленина в силу освобожденной Октябрем женщины, в ее организаторский талант, в ее мужество, энергию.

В. И. Ленин говорил: «...начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин...».

Эти указания Ленина стали программой работы партии среди женщин на многие десятилетия, ленинским заветом для женской печати. Выполняя этот завет, «Работница» помогала женщине в раскрепощении от домашнего рабства, показывала, как нужны стране ее ум и руки, ее воля, ее хозяйственность, ее заботливое материнское сердце.

В те годы родилась новая форма работы среди беспартийных женщин — делегатские собрания. Миллионы работниц и крестьянок прошли через эти народные университеты. Многие делегатки вступали потом в партию, шли учиться,

овладевали производственными профессиями. «Работница» помогала их идейно-политическому росту, была для них подругой и советчицей во всех общественных делах.

Женщины среднеазиатских республик говорят «Работнице» спасибо за то, что она в первые же годы после Октября повела борьбу с феодально-байским отношением к женщине. Журнал горячо звал женщин без рабской оглядки на законы прошлого строить новую жизнь.

Шли годы первых пятилеток... Журнал рассказывал о славных делах ударников, раздувал пламя социалистического соревнования. Крепкие нити связывали редакцию с труженицами многих ведущих предприятий и строек страны. Тысячи работниц писали в журнал, становились его работницами.

Мы помним «Работницу» военных лет. Слово ее — задушевное, страстное, суровое и гневное — звало на бой и на труд во имя победы над гитлеризмом.

И в годы войны и в годы мира «Работница» всегда была верным помощником партии. Страницы журнала — летопись грандиозных сдвигов, происшедших в жизни женщины нашей страны за эти полвека.

Решения исторического XX съезда КПСС, восстановившие ленинские нормы партийной и государственной жизни, поставили перед всей советской печатью новые большие задачи. И «Работница» успешно с ними справляется, печатая материалы о борьбе с последствиями культа личности Сталина, мобилизуя советских женщин на достижение новых успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

Сейчас для всего нашего народа путеводной звездой стала новая Программа партии, программа построения коммунизма, принятая XXII съездом КПСС. «Работница», широко пропагандируя решения съезда, борется за претворение их в жизнь. Она зовет советских женщин трудиться так, чтобы с каждым днем становился ближе коммунизм.

«Работница» помогает партии воспитывать в советских женщинах высокие черты коммунистической морали. Она рассказывает о людях труда, о ростках коммунизма. И резко выступает против пережитков прошлого, против всего того, что еще тормозит наш путь к коммунизму. Ее страницы говорят о пролетарском интернационализме, о борьбе за мир, за свободу и независимость всех народов.

Журнал много пишет о замечательных делах общественной женских советов. Рассказывает о том, как женщины добиваются, чтобы лучше работали столовые, прачечные, магазины, чтобы в срок строились детские сады и ясли, чтобы ребята не оставались без присмотра.

Мы, старые большевики, рады отметить, что за эти годы выросла и окрепла женская печать в нашей стране. Ведь полвека назад была только «Работница», а сейчас и «Крестьянка», и «Советская женщина», и женские журналы во всех союзных и в некоторых автономных республиках!

С вершины лет, событий нам хорошо виден путь «Работницы». Она всегда была вместе со своими читательницами, помогала им верно идти по жизни. Она учит женщин жить и трудиться по-ленински, любить свою Советскую Родину, вместе со всем народом активно строить коммунизм!

Новых больших успехов тебе, дорогая «Работница»!

Е. Стасова, член КПСС с 1898 г.; С. Гопнер, П. Вишнякова, Т. Людвиговская, А. Померанцева, Ф. Ризель, члены КПСС с 1903 г.; Ю. Зарница, Л. Фотиева, члены КПСС с 1904 г.; М. Загуменных, М. Сулимова, члены КПСС с 1905 г.; А. Маркова, О. Ногина, члены КПСС с 1906 г.; В. Лебедева, член КПСС с 1907 г.; А. Артюхина, член КПСС с 1910 г.; П. Баканова, Е. Вонторина, П. Воронова, О. Ильина, А. Иткина, Р. Ковнатор, М. Коравай, Е. Митина, Р. Орлова, М. Суменкова, А. Феделева, В. Хоромская, члены КПСС с 1917 г.; О. Бойкова, Е. Горева, Е. Колоколова, В. Николаева, А. Никитина, М. Попова, Е. Фридлянд, члены КПСС с 1918 г.; Е. Коган-Писман, М. Левкович, С. Любимова, А. Нухрат, М. Старостина, А. Серегина, Д. Токарева, М. Рычкова, М. Шабурова, члены КПСС с 1919 г.; П. Довнар, З. Курбатова, А. Меликова, Е. Попова, П. Сазонова, члены КПСС с 1920 г. и другие.

Н. С. ХРУЩЕВ среди рабочих Архангельского деревообделочного комбината.

Фото С. РАСКИНА.

ДОРОГОМУ ДРУГУ

Нашей дорогой подруге «Работница» исполнилось 50 лет. Все эти годы журнал был вместе с нами, делил наши печали и радости. И сегодня «Работница» остается нашим лучшим другом и советчиком.

Верная ленинским заветам, «Работница» воспитывает пламенный патриотизм, незыблемую веру в торжество коммунизма, пролетарский интернационализм. Журнал помогает нам улучшать быт, укреплять семью, воспитывать детей.

И за все это мы говорим нашей «Работнице» спасибо.

Женщины Днепродзержинска, города химии, металлургии и энергетики, активно участвуют в создании материально-технической базы коммунизма. Удобрения для сельского хозяй-

ства, химическое сырье для производства товаров народного потребления, металл для тяжелой индустрии, электроэнергия для народного хозяйства — вот куда они вкладывают свой труд и талант.

В день славного пятидесятилетия нашей «Работницы» желаем коллективу редакции и дальше продолжать лучшие традиции ее организаторов, женщин старой гвардии, коммунистов-ленинцев.

По поручению женщин г. Днепродзержинска:

председатель женского совета К. Кизилова; председатели женсоветов предприятий города Е. Мешковская, А. Волошина, Р. Роговская, Н. Фролова, М. Барета; редактор странички «Для женщин» Г. Чайковская.

Поздравляем!

Давняя, многолетняя дружба связывает Электроламповый завод и «Работницу».

Имена многих женщин, передовиков нашего предприятия, стали известны стране после того, как о них написали в «Работнице». В журнале рассказывалось об ударницах первых

пятилеток, о самоотверженном труде работниц Электролампового в годы Великой Отечественной войны, об их успехах в борьбе за построение коммунизма.

Журнал дорог нам тем, что, оправдывая свое имя, он прежде всего обращен к работницам — женщинам, стоящим у станков и машин в цехах заводов и фабрик, строящим новые предприятия и дома. Он помогает им советом, распространяя опыт новаторов, призывает их отдавать все силы на осуществление планов, намеченных нашей партией. И вместе с тем журнал борется за улучшение условий труда работниц, за быструю автоматизацию и механизацию тех участков производства, где заняты женщины.

Коллектив Электролампового завода, воодушевленный историческими решениями XXII съезда КПСС, обязался выполнить семилетний план за шесть с половиной лет. В нынешнем году мы дадим стране сверх плана три миллиона осветительных электроламп, двадцать тысяч кинескопов, восемь тысяч дуговых ртутных ламп и много другой продукции.

Мы боремся за звание предприятия коммунистического труда. Больше половины коллектива завода — молодежь, девушки, пришедшие на завод после средней школы. На многие волнующие их вопросы — о морали, о дружбе, о нравственности строителей коммунизма — они находят ответ на страницах «Работницы».

В день пятидесятилетия нашей «Работницы» от всей души поздравляем родной журнал, желаем ему большой энергии, неутомимости в его благородном деле. Пусть с каждым годом хорошеет наша «Работница», пусть звонче звучит ее голос, призывающий советских тружениц на борьбу за претворение в жизнь программы построения коммунизма!

По поручению коллектива завода:

К. Котельникова, мастер. Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР; В. Хрисанова, мастер бригады коммунистического труда, лауреат Государственной премии; А. Юношева, старший инженер-конструктор; Н. Ганулич, зам. начальника цеха; Л. Киселева, мастер бригады коммунистического труда имени В. Николаевой-Терешковой; Л. Адрианова, начальник лаборатории; Н. Ермакова, секретарь партбюро цеха осветительных электроламп; В. Полуянова, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ; Т. Суворова, мастер цеха коммунистического труда; В. Степанова, стеклодув, ударник коммунистического труда; И. Ахмеджанова, монтажница, член бригады коммунистического труда.

В этот большой день нашего журнала мы с волнением души вспоминаем тех замечательных женщин, пламенных революционерок-большевиков, борцов за человеческое счастье, которые стояли у истоков «Работницы», вынашивали в своем сердце ее создание, были членами ее первой редколлегии. Мы незримо ощущаем их присутствие.

Наш поклон вам, дорогие Надежда Крупская, Анна Елизарова, Конкордия Самойлова, Инесса Арманд, Людмила Сталь, Клавдия Николаева!

Наш поклон всем тем, кто, не страшась ни царской каторги, ни ссылки, ни гонений, вырастил журнал «Работница», отрывая трудовые копейки на его издание, распростирая его ночами, с ним в руках шел на первые демонстрации, на митинги пролетарок, на октябрьские баррикады.

Прошумели годы. «Работнице» исполнилось полвека, и все эти полвека она преданный помощник Коммунистической партии. У «Работницы» миллионы читателей, миллионы друзей, сильные отряды рабкорок, дружно шагающих рядом с мужьями и сыновьями по ленинской дороге в коммунистическое завтра.

Вместе со всеми нами по этой великой дороге идут те, кто начинал. Вместе со всеми нами строят они коммунизм. Их славная жизнь продолжается в замечательных делах советских тружениц.

Гордимся вами, наши замечательные предшественницы! Учимся у вас, говорим вам сегодня горячее спасибо не только от советских женщин, которые выросли в такую могучую силу, но и от всего советского народа, от всех его детей.

Мы обратились к писательнице Е. Я. Драбкиной — дочери члена первой редколлегии «Работницы» Ф. И. Драбкиной — с просьбой рассказать то, что ей помнится о событиях, связанных с выходом первого номера «Работницы».

Первый шаг, первая победа

Е. ДРАБКИНА

Бывают дни, которые навсегда оставляют глубокий след в душе человека. Для меня один из таких дней — 19 февраля (ст. ст.) 1914 года. Хотя прошло уже полвека, но до сих пор моя душа хранит о нем яркие, непотускневшие воспоминания.

Только я пришла из школы, пообедала и хотела сесть за уроки, как у входной двери раздался долгий, повелительный звонок. Едва я повернула ключ, дверь сильно рванули, она распахнулась — и я увидела, что лестничная площадка запружена голубыми и серебряными шинелями. Полиция!

Мы с мамой жили тогда в Петербурге, на так называемых «Песках» (ныне район Советских улиц). Район этот в 1909—1914 годах сильно застраивался, и в новых домах, когда стены были еще сырыми (тогда кирпичную кладку делали так, что она сохла больше года), квартиры сдавались по удешевленной плате. Поэтому получилось так, что на «Песках» поселилось много большевиков, связанных с работой в «Правде» и в большевистской фракции IV Государственной думы. Жили они в каждом доме по году, а потом, когда домовладелец повышал квартирную плату, переезжали в другой только что отстроенный, еще сырой дом. Из-за этого ребята часто болели, да и взрослые наживали ревматизм, а то и туберкулез.

Неподалеку от нас жили большевики — члены Государственной думы Петровский, Муранов, Полетаев. Во дворе у нас помещалась думская большевистская фракция. А на третьем этаже, на одной лестнице с нами, жил Малиновский. Провокатор.

На улице вечно торчали шпик и ошупывали каждого входившего своими лип-

кими глазами. Поэтому взрослые часто давали нам, подросткам, поручения: то посылали в «Правду» на Ивановскую улицу за еще влажными, пахнущими типографской краской гранками, то поручали сходить по какому-нибудь адресу и передать на словах, что «Тимофей заболел» или «Находка не любит абрикосов». Мы не понимали подлинного смысла этих слов и знали, что спрашивать о нем нельзя: правило большевистской конспирации гласило, что «каждый должен знать только то, что ему нужно знать, а не то, что ему можно знать».

В эту зиму среди адресов, по которым посылали меня мама, появлялось несколько новых. Все — к женщинам.

Один — на Старо-Невском проспекте. Там жила Прасковья Францевна Куделли, темноволосая, строго одетая женщина. В ней чувствовалась учительница. Прибежишь, бывало, к ней, сунешь записку или передашь то, что поручено, на словах, а она непременно спросит что-нибудь о школе.

Другой — уже раньше знакомый мне адрес — на Ивановской, в редакцию «Правды», где работала Конкордия Николаевна Самойлова.

Третий — где-то на Васильевском острове. Там жила высокая красивая женщина с белокурыми косами, уложенными вокруг головы. Это была Елена Федоровна Розмирович.

По четвертому я ходила только один раз. Очень далеко, на самую окраину города. В небольшой комнате на веревках сохли пеленки. За столом, освещенным тусклой керосиновой лампой, сидела женщина, которая левой рукой качала люльку с надрывно плачущим груд-

ным ребенком, а правой что-то писала. Это была Клавдия Ивановна Николаева.

Такими запомнились мне, двенадцатилетней девочке, эти женщины, которые были членами редакционной коллегии только что задуманного нашей партией журнала «Работница». Все они были членами партии, за плечами у каждой из них была опасная работа в партийном подполье, не один арест, не одна тюрьма. И сейчас они, зная, что им грозит, с воодушевлением взялись за новое дело, порученное им партией, — создание первого в России журнала работниц.

Первый номер журнала должен был выйти 23 февраля (8 марта). А 19 февраля, как уже потом я узнала от моей мамы, члены редакционной коллегии собрались на квартире Прасковьи Францевны Куделли, чтоб окончательно утвердить содержание этого первого номера долгожданного журнала. Настроение у всех было приподнятое. На столе лежали статьи и заметки, которые они тотчас после заседания должны были передать в типографию. Но только они принялись за работу, как в прихожей послышался шум, в комнату ворвались полицейские — и вся редколлегия была арестована.

И вот в то время, когда я сидела в школе, мою маму в черной карете везли на Выборгскую сторону в только что отстроенную первую в России женскую тюрьму, тогда же прозванную «царским подарком к Международному женскому дню».

За арестом непременно следовал обыск. С ним и явилась полиция к нам на квартиру.

Обыск был тщательный. Полицейские простукивали полы и стены.

Наконец они ушли. Когда их шаги затихли, я побежала к Полетаевым, но услышала из-за двери звон шпор. Там тоже была полиция.

Тогда я побежала дальше вниз, к Малиновским.

И он и его жена были дома, сиделись обедать. Жили они в небольшой квартире, обставленной так же, как у других рабочих депутатов: на кровати одеяла, сшитые из лоскутков, щербатые тарелки, железные вилки, за обедом щи да картошка или каша. Но однажды произошел такой странный случай: как-то мы, ребята, играли у Малиновских с их сыновьями. Затеяли игру с переодеванием и, не спросив, стащили с супружеской кровати Малиновских лоскутное одеяло, а под ним, к нашему удивлению, оказалось другое — розовое атласное. В этот момент в комнату вошла жена Малиновского, увидела это. Лицо ее исказилось от гнева, и, хватая ребят за волосы, она буквально выволокла нас на лестницу.

Но детская память коротка, и сейчас, когда арестовали мою маму, я побежала к ним. Увидев меня, оба вскочили.

— Что с тобой? Что случилось?

— Маму арестовали.

Тут Малиновский привлек меня к себе, поцеловал в лоб:

— Бедное дитя мое! Бедная сиротка!..

Еще бы не сиротка! Он ведь тогда выдал полиции мою маму и всю редакцию журнала «Работница»!..

Журнал «Работница» все-таки вышел и именно в тот день, 8 марта, когда должен был выйти. Хотя полиция произвела массу арестов, но оставшаяся на воле

Анна Ильинична Елизарова (сестра В. И. Ленина) сумела выпустить журнал.

В Международный женский день, несмотря на запрещение полиции, состоялось несколько женских собраний, и на улицах происходили демонстрации и столкновения с полицией.

Обо всем этом говорили в городе и было рассказано на страницах «Правды».

Наконец (об этом стало известно, конечно, позже) в женской тюрьме арестованные с помощью «беспроволочного телефона» (так прозвали они разговоры по канализационным трубам) связались друг с другом. Так как у Клавдии Николаевой дома остался грудной ребенок, ей дали свидание с сестрой, и та сообщила ей и о женских митингах и о выходе «Работницы». Весть эта облетела тюрьму, и от радости во всех камерах запели революционные песни.

Так что ни аресты, ни тюремщики, ни подлость провокатора не смогли помешать появлению «Работницы» на свет. И как ни тяжел был удар, нанесенный полицией, «Работница» выстояла и одержала победу.

Арестованных членов редколлегии царские власти продержали в тюрьме три месяца. А журнал продолжал выходить.

Свидания с родными арестованным дали не сразу, да и те через двойную решетку. Но это было бы ничего, если бы не так тяжело было слышать захлебывающийся плач ребенка Клавдии Николаевой, если бы не так печальны были ее глаза, устремленные через эти двойные решетки на крохотного сынишку.

Однажды мама все-таки сумела передать мне зашитое в воротник кофточки письмецо, которое я отдала ее товарищам, и оно было напечатано в 4-м номере «Работницы». Вот оно:

«Новая женская тюрьма.

Политические заключенные новой женской тюрьмы шлют горячий привет нашему журналу «Работница», как выразительнице наших нужд.

Политические заключенные».

Арестованные вели себя в тюрьме очень бурно, они объявили голодовку, а Первого мая устроили обструкцию: стучали в двери камер и пели. У них отобрали посуду, щетки и все предметы, которыми можно стучать, лишили свиданий и передач, а несколько дней спустя объявили приговор: высылка из Петербурга кого на три года, кого на пять лет.

Что же было дальше?

Провокатор Малиновский был разоблачен и расстрелян Советской властью.

Члены первой редколлегии «Работницы», вернувшись после революции из изгнания, вели большую партийную и государственную работу: П. Ф. Куделли — в области изучения истории партии, Е. Ф. Розмирович — в органах партийного контроля, К. И. Николаева была членом Центрального Комитета партии и возглавляла работу среди женщин, моя мама работала в партийных изданиях, Людмила Рудольфовна Менжинская — по народному просвещению.

А родившийся с их помощью наш дорогой журнал «Работница» живет, растет, набирает сил, год от года увеличивает тираж и всем нам на радость празднует сегодня свое славное пятидесятилетие!

А. И. Елизарова

Н. К. Крупская

К. Н. Самойлова

П. Ф. Куделли

И. Ф. Арманд

Л. Н. Сталь

Л. Р. Менжинская

Е. Ф. Розмирович

Ф. И. Драккина

К. И. Николаева

Эмилия Солин

А. В. Артюхина

СЕРДЦЕ И РУКИ

Нина ИВАНТЕР

В этой истории я лишь добросовестный стенограф. С участниками событий, о которых тут пойдет речь, я раньше не встречалась, и только воображение позволяет мне представить себе, как все это было. Воображение и удивительная память главной героини, память, которая хранит не только факты и даты, но звуки, запахи, цвета, выражение глаз однажды встреченного человека, горький запах дыма сожженной деревни. Память чисто писательская... Впрочем, Тамара Владимировна Тизенгаузен к писательскому ремеслу отношения не имеет. Она хирург.

Мы сидим в ее тихой квартире на тихой улице Майрониа. За окном медленный снег, неторопливо течет река, словно размышляя, заморозить ли ей все-таки или так уж и дожить до весны? И такая кругом тишина, такой покой, что почти невозможно себе представить, что в каком-нибудь полчасе езды отсюда, под этим же небом стоит Девятый форт, тесная каменная тюрьма, где во время оккупации замучено восемьдесят тысяч человек со всех концов Европы. И этот же снег сыплется на узкий, стиснутый высокой оградой двор, где расстреливали и вешали. До сих пор на сырой стене камеры можно прочесть глубоко врезанную надпись на французском языке: «Нас здесь девятьсот французов...» И другие надписи на других языках. Шрамы на камне, как шрамы на сердце. И невозможно забыть мертвых. И хочется, чтобы люди знали о живых, которые сделали все, что было в их силах, чтобы вернуть этому городу, этой земле ее неторопливую, полную глубокого смысла жизнь.

Тамара Тизенгаузен, майор медицинской службы. 1944 год.

И тут вступает в действие замечательная память Тамары Владимировны. Вместе с ней отходишь от пылающего Смоленска. И видишь освобожденный Минск. И сидишь на ступенях рейхстага. И слышишь, как свистит ветер в ушах, когда ты стремглав летишь к еле различимой земле, откуда, как одинокий глаз, светит ночной партизанский костер...

Главная тема нашего разговора — одна военная история, которая началась двадцать с лишним лет назад и продолжается сегодня. Но от этой главной, как тропки от большой дороги, отходят другие, и Тамара Владимировна нет-нет да и свернет на боковую тропинку, и мне жаль возвращать ее от

туда: так интересно все, чего ненароком коснется ее память.

История, за которой я приехала в Каунас, начинается в сорок первом году в Москве. А мы все еще бродим где-то в начале первого десятилетия века. И не в Москве, а под Актюбинском. Сюда, в казахские степи, был выслан ее отец Владимир Тизенгаузен, революционер, подпольщик, большевик. Сюда из Петербурга приехала к нему его молоденькая жена, и здесь родилась она, Тамара. Она помнит тесное братство ссыльных. И песни, которые они пели грозным шепотом. И рабочих, пахнувших паровозным дымом, которые приходили к ним в дом. И как внимательно слушали они ее молодого отца. Люди любили его. Сколько она себя помнит, у них в доме всегда толпился народ: кто-то жил у них, одни уезжали, другие приезжали. И за стол всегда садилось вдвое больше людей, чем было у них в семье. И беспрерывно звонил телефон: всем нужен был ее отец...

...Покуда мы разговариваем, то и дело звонит телефон. Сначала из театра. Кто-то взволнованно сообщает, что сейчас начинается генеральная, и просит сказать что-нибудь на счастье. Потом из детского клуба при домоуправлении: она непременно должна быть на каком-то торжестве, поскольку именно она этот клуб организовала. Потом знакомый учитель: можно ли к ней сегодня прийти отвести душу. Потом еще и еще. А до конца нашего разговора еще далеко. Потому что как-то незаметно мы с ней вдруг оказались еще дальше от

начала нашей истории: теперь уже в прошлом веке, в памятных его двадцатых годах.

В руках у Тамары Владимировны портрет. Это репродукция с акварели. Тонко выписанное лицо. Кружевная вязь старинного почерка: «Василий Карлович Тизенгаузен».

— Мой прадед, — замечает она задумчиво. — Говорят, я похожа на него. Ни в мать, ни в отца — в прадеда.

— Тизенгаузен, Тизенгаузен... Кажется, был такой декабрист, — нерешительно вспоминаю я.

— Вот это он и есть. А рисовал его Николай Бестужев. Они оба... Нет, — досадливо перебивает она себя, — этак я до утра не кончу. Давайте вернемся к началу.

Однако прежде, чем мы подходим к началу, мы делаем еще две остановки — в двадцатых и тридцатых годах, на этот раз нашего, двадцатого века. Среди многих памятных встреч — эти две, оставшиеся в сердце на всю жизнь.

Москва. Они с мамой пришли посмотреть на Царь-пушку. Вдруг мама сильно дергает ее за руку. «Смотри, смотри, Тамара!» По каменной мостовой Кремля навстречу им медленно идет Ленин. Задумчивое лицо, пальто распахнуто. Тамара порывается к нему. Но мать крепко держит ее за руку. «Разве ты не видишь, Ленин думает!» «Но я только на минуту, только «здравствуйте!» «А ты знаешь, что такое минута Ленина?» Девочка останавливается. Ленин проходит мимо. И ей уже не хочется к Царь-колоколу. Она старается представить себе, о чем же он думал в эту минуту, которую она могла отнять у него. И ей хочется, чтобы это было очень важное, самое важное...

Тридцатые годы. Большое собрание, много молодежи. Грузная, очень больная, очень старая женщина с белыми волосами. Увидев ее, Тамара раз и навсегда перестала бояться старости. Ей было только семнадцать. Но, видно, и юность иногда испытывает тот страх, который по-настоящему приходит много позже. «Если быть такой, как она, — вдруг радостно думает Тамара, — тогда не страшно, тогда пусть хоть восемьдесят!» И решает: только так. В борьбе, в действии, в движении — всю жизнь, до самого последнего! Женщина, которая заставляет ее принять такое решение, — Клара Цеткин.

И вот отсюда, с этой встречи, мы делаем скачок чуть не в целое десятилетие и сразу оказываемся в июне тысяча девятьсот сорок первого года.

К этому дню за плечами у Тамары Владимировны пять лет хирургической практики. В столе рядом с дипломом об окончании медицинского института хранится грамота, врученная самим Чкаловым, за отличную стрельбу из малокалиберной. Несколько медалей за первенство в теннисе. Разрешение на право езды на мотоцикле. И еще один документ. Он удостоверяет, что Тамара Тизенгаузен небезуспешно обучалась в Музыкальном училище имени Гнесиных по классу пения. К Гнесиным она поступила на пари с товарищами: «Хотите на спор — примут? Хотите? Не выиграю — килограмм «мишек!» Прямо из анатомички она побежала сдавать документы. Вперемежку с лекциями сдавала экзамены. А в начале зимы, когда она успела позабыть обо всем этом, вдруг пришло строгое напоминание: «Если вы и впредь не будете посещать занятия...»

Мать вздыхала: «Ну можно ли так разбрасываться!» Отец довольно хмыкал: «Молодец, Томка, в жизни пригодится».

...И вот двадцать второе июня. Она стоит перед зеркалом. На ней белый костюм. Сегодня соревнования. «Кажется, ничего, — задумчиво говорит она, рассматривая свое изображение. — Нет, определенно ничего...» И вот на этом месте голос из репродуктора: война!..

Местом ее назначения был белорусский город Лида. Двадцать третьего июня она уже сидела в поезде. Синенькое пальтишко, в котором она чувствовала себя особенно ловко. За плечами рюкзак: шелковое белье, духи, конфеты. Так снаряжалась она на войну.

До Лиды поезд не дошел. Впереди все горело и рвалось. Она спрыгнула с подножки. Здесь и началась ее военная судьба. Здесь перевязывала она своих первых раненых. И первую свою военную операцию она сделала тоже здесь, под открытым небом.

Синенькое пальтишко давно обтрепалось, пола обгорела, рукав прошли пули. Ее так и не успели обмундировать: ни нашивок, ни шинели. И звания не успели присвоить. Но люди почему-то слушались ее, и ей не нужно было дважды повторять приказ.

К началу второго года войны она была уже майором, начальником хирургического отделения большого военного госпиталя в Москве. Позади лежали длинные фронтовые километры, первое ранение, нестерпимые ночи в далеком тыловом госпитале. И снова фронт, снова операции, одна за другой, одна за другой. В полевых госпиталях, в землянках, в крестьянских избах и просто под небом в партизанских краях, куда она спускалась с парашютом, вытолкнутой из самолета (она так и не научилась прыгать в пустоту).

В Москве она не могла пожаловаться на недостаток работы. И все-таки она все время ждала нового назначения. Прочтут же наконец ее заявление, поймут, что ей с ее опытом лучше всего быть там, на фронте.

Однажды, когда кончился ее рабочий день (это была глухая ночь), она шла по длинному коридору. В полутьме она увидела носилки, стоявшие прямо на полу. На носилках кто-то лежал.

— Почему не в палате? — устало спросила она.

— А что в палату тащить, скоро кончится! — сказала санитарка.

Тамара Владимировна почувствовала, как у нее перехватило горло. Вот с этим она не могла примириться. Со смертью — да. Но не с этим равнодушием.

— Свет! — приказала она и откинула простыню.

Перед ней была девушка. Длинные ноги физкультурницы, широкие прямые плечи, бессильно поникшая голова. Пожалуй, даже не девушка — большая девочка. Тамара Владимировна быстро ощущала ее осторожными точными движениями.

— Немедленно в операционную. Немедленно, я сказала! И не нужно мне ваших похоронных лиц. Пока еще я тут хирург и лучше вас знаю: кончится или не кончится.

Но вот этого-то она как раз и не знала. Перелом плеча и основания черепа, повреждение позвоночника, перелом ребер, глубокое ранение ноги, рваная рана на лице... Санитарка что-то сказала. Но Тамара Владимировна уже не слышала. Как всегда перед операцией, все ушло, ничего не существовало, кроме распростертого перед ней тела, которому она должна вернуть жизнь. Рядом мог разорваться снаряд, она не заметила бы этого, как не заметила во время той, первой операции на далекой станции под открытым небом. Операция была закончена. Собственно, сразу несколько операций, одна за другой.

— Как, вы сказали, ее зовут? — Только теперь она вспомнила голос санитарки.

— Вроде Нина. По фамилии Попова. Она сама сказала. А документов при ней никаких нет. Вот только мыльница.

— Ладно, потом разберемся.

Утром Тамара Владимировна пришла к раненой. Глаза девушки были раскрыты, но она не видела. В забытии она пробормотала несколько слов. Слова были нерусские. Маленькая розовая мыльница, отливающая перламутром, лежала на столике. Нерусская речь и мыльница явно заграничного происхождения. Кто же она, эта Нина? И Нина ли? Впрочем, это пока неважно. Главное, чтобы жила.

Каждый день, а то и по несколько раз в день заходила Тамара Владимировна в одиночную палату, где лежала безмолвная слепая девушка. Она сама делала ей перевязки, сама вместе с санитарками переносила ее с одной койки на другую, опасаясь пролежней. Сама делала ей уколы и подносила лекарство. А когда у раненой вдруг подскочила температура до сорока, Тамара Владимировна после мучительных раздумий, пренебрегши диагнозом профессора, сделала ей еще одну операцию, заподозрив гнойник в ранее оперированной ноге. И профессору, для которого главное было не поддержание своего авторитета, а жизнь человека, оставалось только поблагодарить коллегу, осмелившегося усомниться в его, профессорской, непогрешимости.

Но почему среди сотен раненых она выделила именно эту? Тамара Владимировна не могла ответить на этот вопрос. Может быть, потому, что это была единственная девушка в огромном доме, полном страдающих людей? Вряд ли. Тогда, может быть, из-за того, что она спасла эту жизнь в то последнее мгновение, которое еще оставалось в запасе? Нет, пожалуй, не из-за этого. Тогда, может быть, эта девушка просто не единственная, к кому она была так внимательна? Недаром хранится в ее фронтовом архиве фотография улыбающегося русского молодца, на обороте которой написано: «Вы спасли меня от отчаяния и мрака...» Может быть, для этого летчика и для сотен

Что может быть крепче дружбы, прошедшей через самые тяжелые испытания и самые большие радости! Янина Наркевич и ее дочка всегда рады Тамаре Владимировне.

таких же, как он, сделано не меньше, чем для девушки, имени которой она все еще не знала? Тамара Владимировна пожимает плечами: может быть, может быть... Но давайте не будем отвлекаться, до конца еще далеко. Ну, не будем так не будем.

Прошли долгие дни, прежде чем девушка заговорила.

— Где я? — спросила она.

— В госпитале. Кто вы?

Молчание. Потом губы снова шевельнулись:

— Я буду видеть?

— Пока не знаю. Вас зовут Нина?

Молчание.

— Где находится госпиталь?

— В Москве. Ваша фамилия Попова?

Невидящие глаза закрылись. Разговор был окончен.

Как-то ночью к врачу прибежала санитарка.

— Ваша говорит чего-то. Ничего не разобрать, не по-нашему. Может, она немка, а? Вы ее так и этак обхаживаете, а она, может, шпионка?

Тамара Владимировна поспешила в палату. Девушка в забытии произносила что-то длинное, размеренное, певучее на странном, незнакомом языке.

Утром Тамара Владимировна сказала:

— Вы ночью читали какие-то стихи, удивительно красивые.

— Стихи? Я не знаю ни одного стихотворения.

И снова несколько дней молчания. Она лежала неподвижная, безмолвная, казалось, безразличная ко всему. Только когда заходила Тамара Владимировна, она ощущала ее запыстье. «Часики пришли», — говорила она, и Тамаре Владимировне казалось, что она улыбается.

Однажды утром она, как всегда, взяла Тамару Владимировну за руку и долго не выпускала ее. Потом спросила быстро и отрывисто:

— Где находится МГУ?

— На Моховой, — ответила Тамара Владимировна.

— Какое рядом метро?

— «Охотный ряд».

— Что было раньше в том доме, где сейчас Союз писателей?

— Право, не знаю, какой-то дворянский особняк.

— Он описан где-нибудь в литературе?

— В литературе?.. Ах, ну да, конечно! «Война и мир». Дом Ростовых. Вы это имели в виду?

Раненая молчала.

Тамара Владимировна ждала. Должно же что-нибудь последовать за этими странными вопросами!

— Вот что. Я дам вам один адрес. Пойдите туда и скажите, чтобы ко мне пришли.

— К кому, к вам?

Молчание.

— Хорошо. Пойду и скажу.

Через несколько дней Тамару Владимировну вызвали в вестибюль. У входа стояли два незнакомых человека.

— Вы врач Тизенгаузен? По всей видимости, у вас в госпитале находится наша партизанка Янина Наркевичюте. Или иначе Нина Попова, это ее конспиративное имя.

— Простите, а вы кто?

Они представились. Это были нынешний Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Юстас Игнович Палексис и секретарь ЦК Компартии Литвы Антанас Юозович Снечкус.

...История Янины Наркевичюте — это совсем особая история. Но здесь она будет рассказана бегло. До тысячи девяти-сот сорокового года Янина жила при капитализме. Еще задолго до того как Литва стала советской, она вместе с братом Костасом вступила в подпольную коммунистическую организацию. Вместе с Костасом и другими коммунистами и комсомольцами они были первыми помощниками молодой Советской власти в Литве. Янина стала первым секретарем Тракайского райкома комсомола, Костаса послали на работу в милицию. В сорок первом году Янину избрали депутатом Верховного Совета СССР. А уже в сорок втором она летела в свой партизанский отряд. Самолет был подбит.

Как она очутилась в Москве в коридоре военного госпиталя, этого, наверно, никто уже рассказать не может.

Янина не могла поверить, что она в Москве. Последнее, что она помнила, — это как самолет стал снижаться над лесом, где скрывался партизанский отряд... Кто мог перевезти ее оттуда в Москву? Ясно, она у немцев. И она не должна никому верить. Даже той с часиками, хотя так хочется верить ей, ее голосу (иногда она напевает тихо-тихо, а голос — как у настоящей певицы, и хочется слушать, слушать и верить ее рукам, ведь это они, эти руки, спасли ей жизнь. Неужели руки врага могут быть такими осторожными и добрыми?). И все-таки она не имела права сказать, кто она. Она должна держаться изо всех сил. Если бы хоть на минуту вернулись к ней ее глаза! Нет, она ничего не скажет. Правда, ее могут подвести Адам Мицкевич и Саломея Нерис. Это их стихи она, наверно, бормочет по ночам сквозь сон... Как бы она хотела верить этим «часикам»!

Так думала Янина, лежа в госпитале.

Наконец она решилась. Несколько дней она придумывала вопросы. Немка не сможет ответить на все. Если «часики» ответят, она даст адрес...

К счастью, Тамара Владимировна знала, где находится МГУ и что было раньше в особняке на улице Воровского.

Янина выздоравливала. К ней вернулось зрение. Но Тамара Владимировна почему-то не была спокойна. Только здоровое тело — это была половина работы. Янина уклонялась от разговоров: «Ничего. Все хорошо. Большое спасибо, мне ничего не нужно». И только однажды ночью, когда Тамара Владимировна на цыпочках зашла к ней и собиралась уже уйти, удивившись, что та спит, Янина, не открывая глаз, сказала: «Моей мамы больше нет».

Семья Янины осталась в Литве. Мама, Костас, отец, сестра. В деревне все знают, кем были они с братом. Стоит найтись одному предателю, и никого из родных не будет на свете. И мамы!

— Я знаю, знаю, знаю: ее нет в живых.

— Вы ничего не знаете, — спокойно сказала Тамара Владимировна. — Это я знаю. Она жива.

— Моя мама... Вы не можете себе представить, что для меня мама!.. Я не хочу, я не могу, если мамы нет.

— Она есть. Слушайте меня, Янина, ваша мама жива, и Костас жив, и отец. И настанет день, когда мы все вместе соберемся у вас за столом. И мама приготовит рыбу, которую Костас выловит из этого вашего озера... Как оно называется?

— Перестаньте, прошу вас. Ничего этого не будет!

— Будет. И не только это. Я еще буду гулять на вашей свадьбе. А потом у вас родится сын. Или дочка. Вы кого хотите: мальчика или девочку?

— Вы не врач, вы инквизитор.

— Мальчика или девочку?

Янина присела на кровати и обняла Тамару Владимировну.

— Уберите руку, Янина, вам все равно не удастся вытащить у меня револьвер. Вот так. И имейте в виду, я не собираюсь вас уговаривать. Я скажу вам другое: ваша мама жива. Но в тот день, когда окажется, что я сказала неправду, я сама сниму револьвер и дам его в ваши руки. Но до этого вы будете жить. Вы должны жить.

В эти самые страшные для девушки минуты душевного упадка Тамара Владимировна была рядом. И горькой нежиз-

данностью было для Янины известие, что ее дорогой доктор уезжает на фронт.

...Это совсем новая история: путь военного врача Тизенгаузен от Москвы до Берлина. И к великому сожалению, о нем тут рассказано не будет. Ни о ней самой, ни о ее четырех «девочках»-медсестрах, ни о санитарном Илье, с которыми она прошла весь этот путь. Эта тема отдельного рассказа, а тут я только скажу, что на всем этом трудном и долгом пути Тамара Владимировна не забывала о Янине. И Янина помнила своего друга, ее легкие руки и верное сердце. Она писала:

«Пускай пророки бледными губами
Клянут земли счастливую красу.
Я нашей дружбы солнечное пламя,
Как светлую печаль, тебе несущую...»

Тамара Владимировна, это не мои стихи, это Саломея Нерис, но я лучше не могу сказать.

Бесценный дар! И как доступен нам он.
Не в дружбе ль наша лучшая краса?
Ведь это для нее струится Неман
И торжествующе шумят леса...»

Встретиться на Немане, в ее Литве — вот о чем мечтала Янина Наркевичюте.

Но разве можно на войне рассчитывать на такие счастливые чудеса! И все-таки оно случилось, это чудо.

Тамара Владимировна идет по длинному коридору в каунасском госпитале. Стеклопанные двери бесшумно отворяются в обе стороны. Война еще не кончилась, окна затемнены. Слабая лампочка тускло мерцает в вышине. Кто-то приближается к ней. «Осторожней», — говорит она в полумрак, — здесь дверь». «Нет, не может быть», — отвечает из темноты чей-то счастливый, до невозможности знакомый голос. — Нет, так ведь не бывает! «Янина?» — нерешительно спрашивает она. Это Янина Наркевичюте с самого утра бродит по каунасским госпиталам. Кто-то ей сказал, что есть тут женщина-майор, военный врач с исторической фамилией.

...Посреди комнаты стол, уставленный всевозможной снедью. Старая женщина поднимается ей навстречу.

— Это мама, — говорит Янина.

Молодой человек выходит из соседней комнаты.

— Костик, познакомься, это она, Тамара Владимировна.

— Пойдите, а где рыба? — спрашивает Тамара Владимировна. — Как оно все-таки называется, ваше озеро, ведь вы мне тогда так и не ответили?

Они сидят за столом, и старая Наркевичюте подкладывает ей в тарелку самые лучшие куски рыбы.

— Тамара Владимировна, — счастливо говорит Янина, — а ведь все так, как вы говорили. И откуда вы только знали?

— Нет, не все. — Тамара Владимировна вытащила из кобуры револьвер и положила его перед Яниной. — А как быть с этим?

— Что такое, зачем? — спросила мать.

— Ничего, мамочка. Просто одна старая-престарая шутка... Ну, а теперь все? — спросила она у Тамары Владимировны.

— Ну какое же все! Ох, сколько мне еще забот с вами! Надо выдать вас замуж, дожидаться вашего сына... Или дочки? Что я вам обещала, мальчика или девочку? Я что-то забыла...

...Звонит телефон в тихой квартире на тихой улице Майрени. Первый час ночи, а он все еще звонит... Звонят из театра. Чей-то радостный голос: «Все в порядке, генеральная прошла отлично! Спасибо!» «Что еще за спасибо? — говорит Тамара Владимировна. — За советы? Какие советы! Я не режиссер, я хирург». Снова звонок. Тамара Владимировна снимает трубку и улыбается: «Высокое начальство. Заместитель председателя Каунасского горисполкома Янина Наркевичюте! Слушаю вас...» Длинный разговор. О женсовете, который нужно собрать не позднее чем во вторник. О новом детском клубе, который непременно должна посетить председатель женсовета Наркевичюте, потому что ее заместитель Тизенгаузен уже обещала, что они придут вдвоем. И еще о множестве дел, которые заведует она вместе с Яниной в городе, ставшем для нее родным... «А как Бируте? — спрашивает Тамара Владимировна. — Не кашляет уже? Ну, отлично...» Она кладет трубку. «Жаль, вы не увидите Бируте», — говорит она. — Дочка Янины...»

Снег падает за большими окнами. Из рамки смотрит Василий Карлович Тизенгаузен. Пожалуй, они действительно похожи — прадед и правнучка. Ну что ж, не удивительно, как-никак родственники...

НА НАШЕЙ ВКЛАДКЕ:

В РЕДАКЦИИ «РАБОТНИЦЫ» 1917 ГОДА.

Акварель Ю. РАКУТИНА.

ДОБРЫЙ СОСЕД

Утром зазвонил телефон. Я услышал знакомый энергичный голос:

— Привет, Алексей Филиппович. Есть для вас подарок: две усовершенствованные гороховые косилки. Дают по разнарядке, а нам пока не надо. Охотно уступим.

Говорила из Геронимовки Галина Евгеньевна Буркацкая, председатель колхоза «Радянська Украина», дважды Герой Социалистического Труда. Наши села рядом. И живем мы в доброй дружбе, как подобает соседям.

Не раз, проходя мимо полей «Радянської України», наши колхозники с завистью смотрели на густой лес кукурузы, на высокую коноплю. Разумеется, мы спрашивали, почему у нас не такая — земли-то одинаковые. И друзья-соседи не просто объясняли, но и приходили к нам, показывали, что и как надо делать. По их примеру в минувшем году мы посадили коноплю раньше, удобрили больше, чем обычно, и вырастили урожай куда богаче прежнего. А кукуруза у нас уродилась и вовсе не хуже геронимовской, но собрали мы ее меньше, потому что Буркацкая сумела мобилизовать людей не только на механизированную, но и на ручную уборку, а мы нет. В дальнейшем эту ошибку, конечно, учтем.

Два года назад колхоз «Радянська Украина» перешел на хозрасчет, стал делить доходы по бригадам, в зависимости от количества полученных продуктов, их качества и себестоимости. Мы заинтересовались, что это дает. И тогда к нам приехали Буркацкая, ее заместитель, агроном, зоотехник, бригадиры, чтобы рассказать о преимуществах новой системы оплаты труда. Послушали наши люди и поняли: хозрасчет выгоден тем, кто честно работает, а для лодырей он не подходит — получать-то им придется куда меньше. Отлично, решили мы, и ввели у себя хозрасчет.

Прожили после того год и ни разу не пожалели. Каждая бригада теперь думает не только о том, чтобы дать как можно больше продуктов, но и чтобы себестоимость их была невысокой. А от этого колхозу прямая выгода, да и людям хорошо: заработки выше.

Куранный способ silosования, строжайший учет каждого грамма полученных продуктов, добавление искусственного белка в корм скоту — разве перечислишь все перенятое нами у соседей!

Буркацкая разбирается во всех тонкостях сельского хозяйства. Это результат многолетней прантинки, любви к делу, глубоких знаний: работая в колхозе, она сумела окончить сельскохозяйственную академию.

Ф. САМУСЕВ.

ПОРТРЕТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА Г. БУРКАЦКОЙ.

Нравится мне в Галине Евгеньевне, что она ничего не принимает слепо, лишь потому, что это модно. Подсчитает, какую пользу принесет хозяйству то или иное новшество, посоветуется со специалистами, а уж когда уверует в новое начинание, не пожалеет ни сил, ни средств, чтобы внедрить его в жизнь. Вот сейчас их колхоз сооружает насосную станцию для орошения свыше 300 гектаров земли, строит зернохранилище из железобетонных конструкций. Ну, а скажем, доение коров «елочкой» у себя на фермах не вводит: Галина Евгеньевна и зоотехник колхоза Верзилов считают, что в наших условиях это не даст эффекта.

В доме Галины Евгеньевны и в ее кабинете — маленькой комнатке в колхозной конторе — вечно полно народу. Она депутат Верховного Совета СССР, и ней со всей области едут. У Буркацкой нет особых часов приема, она выслушает каждого, когда бы тот ни пришел, разберется, даст добрый совет, а если потребуется, то и поможет. Добрая душа у Галины Евгеньевны, но не добренькая. Спекулянтам, лодырям, болтунам ни спуска, ни поправки не даст.

Вот такому отношению к людям нам

надо еще учиться и учиться. И мы стараемся это делать. Не раз, когда нужно было решить какой-нибудь сложный «человеческий» вопрос, я обращался к Галине Евгеньевне и получал верный совет.

Колхозники «Радянської України» славятся тем, что умеют дешево и быстро строить красивые, добротные кирпичные здания — такие, как их Дом культуры, детский сад-ясли, школа. Когда что-нибудь строим мы, руководители «Радянської України» делают опытом, порой и материалами.

Не только мы, ближайшие соседи, но и многие дальние с благодарностью говорят о Буркацкой.

Есть в Одесской области колхоз «Маяк». В начале пятидесятых годов его председатель Мария Дмитриевна Шолар вызвала Буркацкую на соревнование. Это был смелый шаг. Галина Евгеньевна считалась уже признанным мастером сельского хозяйства, а имя Шолар знали лишь в родном селе. «Маяк», только что объединившийся с двумя мало-мощными колхозами, нельзя было даже отдаленно сравнивать с «Радянської України».

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

За последнее десятилетие советский народ под руководством Коммунистической партии приложил огромные усилия для поднятия нашего сельского хозяйства. Освоено около сорока миллионов гектаров целинных и залежных земель. Колхозы и совхозы по сравнению с 1953 годом имеют сейчас вдвое больше тракторов и автомобилей, в десятки раз больше силосных, свеклоуборочных комбайнов и других машин. В шесть раз возросло потребление электроэнергии. В пять раз увеличились ежегодные государственные капиталовложения в сельское хозяйство. Экономика колхозов и совхозов укрепились.

Но чтобы иметь в достатке продовольствие, нужно в самом недалеком будущем вдвое, втрое больше получать зерна, мяса, молока. И наша страна может выполнить важную, хоть и нелегкую задачу. Пути решения этой задачи и были рассмотрены на февральском Пленуме ЦК КПСС, который принял постановление «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции».

Что такое интенсивное ведение сельского хозяйства?

Выступая на Пленуме, Никита Сергеевич Хрущев подчеркивал, что это значит резко увеличить производство продукции с каждого гектара земли, снизить ее себестоимость, обеспечить рост урожаев, продуктивность животноводства при меньших затратах труда и средств.

Внедрение химии — верный путь роста урожайности культур и продуктивности животноводства. Наша промышленность в ближайшие годы увеличит производство минеральных удобрений, гербицидов, ядохимикатов, химических препаратов для животноводства. Чтобы правильно и разумно распорядиться этим богатством, в стране создается единая агрохимическая служба. Она подскажет колхозам и совхозам, как лучше, эффективнее использовать минеральные удобрения, поможет провести химизацию земледелия и животноводства.

Значительно расширилась в последние годы площадь орошаемых земель. Передовые совхозы и колхозы с помощью орошения собирают богатые урожаи зерновых и технических культур. Теперь государство в состоянии выделить на ирригацию и обводнение куда больше средств, чем раньше; ка-

налов, оросительных систем будет строиться намного больше. На поливных землях, как подчеркнуто в постановлении Пленума ЦК КПСС, надо выращивать не только технические культуры, но добиваться устойчивых высоких урожаев риса, пшеницы, кукурузы, овощей. Этот гарантированный сбор зерновых станет отличным страховым фондом, вкладом в хлебные запасы страны.

Третий источник интенсификации сельскохозяйственного производства — комплексная механизация и электрификация. И здесь за последние десять лет было сделано больше, чем за все предыдущие годы Советской власти. Однако в сельском хозяйстве еще много ручного труда. Партия поставила перед учеными, конструкторами, рабочими задачу — создать новые машины для полной механизации уборки сахарной свеклы, хлопка, картофеля и других культур. Наши заводы будут выпускать более мощные тракторы, широкозахватные и многорядные машины, различные механические помощники для тружеников села.

На Пленуме ЦК КПСС выступали видные ученые. Они говорили о новых достижениях и открытиях сельскохозяйственной науки. Ученые вывели новые сорта зерновых и других культур, высокопродуктивные породы животных. Неограниченные перспективы открывают новые виды минеральных удобрений, химических средств защиты растений. Главное теперь состоит в том, чтобы достижения науки и передовые методы труда, опыт «маяков» применялись всеми работниками сельского хозяйства.

Подъему сельскохозяйственного производства безусловно будут способствовать и меры помощи отстающим колхозам и повышение материальной заинтересованности колхозников, в частности введение для них пенсий.

Интенсификация — генеральное направление в подъеме сельского хозяйства, столбовая дорога развития его производительных сил.

Борьбу за хлеб, за достаток продовольствия ведет весь наш народ. Трудовую вахту на стройках и предприятиях химии, на заводах сельскохозяйственного машиностроения несут сотни тысяч работников. И от их труда зависит, чтобы заказы сельского хозяйства выполнялись досрочно, чтобы механизаторы и полеводы, животноводы и ирригаторы благодарили их за отличную работу.

По приглашению Бурнацкой Мария Шолар приехала в Геронимовку. Увиденное здесь произвело на нее такое впечатление, что захотелось тут же на крыльях помчаться к себе, все переделать, перестроить. Галина Евгеньевна подсказала Марии, с чего начать, а потом сама побывала в «Маяке», поговорила с полеводцами, доярками, механизаторами. Многие показывали ей.

Выросли доходы «Маяка» — пришло время подумать о строительстве, таком же широком, как и у друзей. Теперь уже триста колхозников переселились в новые дома под железом и шифером, появились в «Маяке» маслобойка, пирамида, детские сады и ясли, чистые, теплые животноводческие помещения, электрический свет.

Галина Евгеньевна хорошо знает обо всем этом. Она переписывается с Марией Шолар, и по-прежнему советует, как лучше вести хозяйство. Но теперь относится к ней не как к начинающему председателю колхоза, а как к опытному колхозному руководителю: Марии Шолар за успехи в подъеме хозяйства присвоено звание Героя Социалистического Труда. А сама Шолар считает, что без совета и помощи Галины Евгеньевны

она не сумела бы поставить на ноги свой колхоз.

Недалеко от Геронимовки, в деревне Свидивок, был небольшой и бедный колхоз. В 1959 году жители Свидивки попросили Бурнацкую принять их к себе вместе со всем своим скудным наследством. И Галина Евгеньевна сделала то, от чего на ее месте наверняка отказались бы многие: вынесла просьбу свидивчан на общее собрание колхозников, высказала свое мнение: принять, несмотря на то, что это все равно потянет их колхоз назад.

Хлопот с новым пополнением оказалось больше, чем ожидали. Пришлось Галине Евгеньевне, всему правлению «Радянской Украины» потратить много сил, чтобы приучить «новичков» и к дисциплине и к агротехнике.

Обо всем этом рассказать можно за несколько минут, а такие успехи даются долгим трудом. И совсем не удивительно, что присоединение отсталого хозяйства ощущается в «Радянской Украине» до сих пор.

Галина Евгеньевна не жалеет об этом. Она часто вспоминает хорошую украинскую пословицу: «Хто про всіх дбає, той і сам усе має».

«Про всех дбає» — обо всех заботит-

ся. Это будто прямо о Галине Евгеньевне и сказано. Среди обширной почты, которую она получает, есть письма с маршами Чехословакии, Румынии, Англии, ГДР. Земледельцы этих стран знают ее: к одним ездила она, других принимала у себя в колхозе.

Уже пахнет весной. Пусть она идет. Наши колхозы встретят ее как подобает. Отремонтирована техника, вывезены удобрения на поля, готовы сортовые семена, запланированы сокращенные сроки сева. Два Пленума Центрального Комитета партии — декабрьский и февральский — четко определили: нынешний год будет годом интенсификации всех отраслей сельского хозяйства, его химизации, настойчивого внедрения нового. И наши успехи будут еще больше, если все передовые колхозы, все наиболее опытные сельские вожаки по примеру «Радянской Украины» и ее председателя Галины Евгеньевны Бурнацкой помогут своим ближним и дальним соседям.

А. ТИТАРЕНКО,
председатель колхоза «Заря коммунизма», Чигиринского района, Черкасской области

Товарищу

В связи с радостным событием — 50-летием замечательного женского журнала «Работница» и 54-й годовщиной Международного женского дня примите мои приветствия и самые сердечные поздравления. Я счастлива участвовать в праздновании вашего исторического юбилея, который, я уверена, будут отмечать по всему Советскому Союзу, а также ваши друзья в других странах мира.

Как замечательно, что «Работницу» получают 4,2 миллиона читателей, что она так популярна!

«Работница» была основана в 1914 году по предложению мудрого вождя Ленина, который с большим сочувствием и пониманием относился к женщинам, страдавшим под гнетом царизма и капитализма. Выдающиеся пионеры в борьбе за права женщины — Н. К. Крупская и мой большой друг Елена Стасова — печатались на страницах «Работницы».

Журнал всегда помогал развитию творческих возможностей советских женщин, которые внесли такой большой вклад в успехи СССР, ведущей страны социализма.

Чудесные дела советских женщин — вдохновляющий пример для женщин всех стран. Я рада предоставленной мне возможности выразить чувства любви и восхищения вами. Со многими из вас я познакомилась на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза в 1961 году. Съезд убедительно показал, что ни одна область человеческого знания не является недоступной для советских женщин. Там были женщины — депутаты Верховного Совета, члены правительства, учителя, писательницы, ученые, инженеры, врачи, профессора, балерины, колхозницы, текстильщицы и многие другие. Теперь все мы с гордостью приветствуем Валентину Николаеву-Терешкову, советскую героиню, всемирно известного космонавта, единственную из женщин, которая взлетела в космос.

Миллионы американок надеются, что будет установлен прочный мир во всем мире благодаря усилиям народов двух наших великих стран, а также других стран, которые идут с нами. Женщины повсюду стремятся к запрещению ядерного вооружения, всеобщему разоружению, мирному сосуществованию. Мы едины в своей решимости создать безопасное и прочное будущее для наших детей. Знаем, что советские люди разделяют эту благородную цель, идут в авангарде движения за мир.

Права советских женщин — идеал, пронесенный женщинами разных стран через века. Тут и охрана здоровья, и право на образование и на труд, забота о детях и престарелых, гарантированные отпуска...

В день юбилея «Работницы» с восхищением мы приветствуем всех советских женщин, шлем вам наши добрые пожелания и желаем дальнейших успехов в строительстве коммунизма.

Слава советским женщинам!

Пусть будет мир и дружба между нами!

Элизабет Гэрли ФЛИНН,
председатель Национального комитета
Коммунистической партии США

Нью-Йорк.

Как светлый луч

Зайдя недавно к своей знакомой — ткачихе Любе Стойковой, я застала ее во дворе: она получала у почтальона газеты и письма. И среди них я заметила советский журнал «Работница».

— Уж очень люблю этот журнал, — сказала Люба, когда мы поднимались по лестнице, — и выписываю его вот уже несколько лет подряд.

Рассматривая журнал, я вспомнила, какая радость и какое волнение охватили меня, когда «Работница» впервые попала в мои руки. Это было весной 1931 года. Я работала тогда табачницей в Софии. Хорошо помню, что предстояли выборы депутатов в Народное собрание, и наша

коммунистическая партия усиленно к ним готовилась.

Однажды утром мы с мужем Методием Апостоловым, рабочим-маларом, пошли к известному журналисту Владимиру Топенчарову, редактировавшему иллюстрированную газету «Поглед», в которой широко популяризировались успехи великого Советского Союза. Товарищ Топенчаров напутствовал нас для предстоящей предвыборной борьбы. Прощаясь, он дал мне какой-то сверток и сказал: «А это лучше всего поможет тебе агитировать».

Вернувшись домой, я раскрыла сверток — и велико же было мое изумление: передо мной

лежал советский журнал «Работница»! Со страниц его на меня смотрели смелые, свободные женщины Москвы, Ленинграда, Донбасса. Я не знала русского языка, но содержание все же могла разобрать.

Каким путем журнал «Работница» достиг нашей угнетенной тогда родины, я не знала. Но в те мрачные дни испытаний и борьбы он был светлым лучом, окошком, дававшим нам возможность увидеть жизнь нашей старшей сестры, сбросившей со своих плеч тяжелое бремя рабства и своими собственными руками строившей новую свободную жизнь.

Журнал долгое время

переходил из рук в руки. Все работницы хотели видеть эту святыню, дошедшую до нас из страны великого Ленина. А для того, чтобы журнал не попал в руки полиции, я прятала его в маленьком деревянном чемоданчике с двойным дном.

Больше тридцати лет прошло с тех пор. Наша страна давно свободна, и женщины в ней вместе с мужчинами дружно строят светлое коммунистическое будущее. Но во мне еще живет воспоминание о первом советском журнале, попавшем в мои руки, — о журнале «Работница».

Зорка АПОСТОЛОВА

г. Пловдив, Народная
Республика Болгария.

Приветствую журнал

В юбилей «Работницы» шлю вам сердечный привет, желаю вам и всем читательницам счастья в жизни, успехов в работе, в учебе.

«Работница» — очень интересный журнал. И лучшая похвала ему — это сознание его необходимости. Я привыкла к «Работнице», и, когда почему-либо читаю ее с опозданием, мне кажется, что чего-то не хватает в моей работе. Думаю, что всем читательницам знакомо это чувство.

Еще раз шлю вам привет и пожелания дальнейшего расцвета журнала.

Долорес ИБАРРУРИ,
Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании

50 РАБОТНИЦА

Их имен читатель не найдет среди авторов «Работницы». Но без них — без замечательных полиграфистов — журнал не может увидеть света. Сотни рабочих и рабочих, техников и инженеров типографии «Правда» имени В. И. Ленина отдают много сил журналу.

На снимке: в брошюровочном цехе типографии «Правда». На потоке очередной номер «Работницы».

Фото Н. МАТОРИНА.

Спасибо!

Добрый день, дорогая «Работница»! Тебе пишет работница чехословацкого завода нефтяных двигателей в Праге Анна Червенкова. Может быть, тебе известно название этого завода, ведь большая часть его изделий поступает в Советский Союз. Но мое имя ты, безусловно, слышишь впервые, а я близко знакома с тобой уже несколько лет...

Все началось в 1958 году, когда наша женская бригада решила изучать русский язык.

Власта Прохазкова первой окончила народные курсы русского языка (за последние годы их посетило свыше миллиона чехословацких граждан!), сдала в вузе государственный экзамен по русскому языку. Она и предложила нам: давайте будем каждую получку откладывать деньги. Когда вся бригада закончит четырехгодичные курсы, поедем в СССР!

Не хочу хвастаться, но учение давалось мне легко. И помогла в этом именно ты. Сперва я по складам читала твои статьи, но вскоре стала свободно читать и понимать прочитанное. Для меня теперь большая радость после дневных забот листать твои страницы.

Ты стала моим близким другом. Люблю читать твои рассказы и правдивые истории о героинях социалистического труда. Спасибо тебе, они помогают мне работать. Ты помогла мне близко познакомиться с советскими людьми. Если бы кто-нибудь из твоих сотрудников побывал у нас на заводе, он увидел бы в стенгазетах, в красном уголке твои репродукции — картины русских и советских художников. По рецептам «Работницы» готовлю вкусные русские блюда. Мне помогают советы хозяйкам. Знаешь, я уже сшила себе несколько вещей и смастерила игрушки для внучат.

Когда приеду в Москву, непременно зайду в твою редакцию рассказать о том, как ты необходима мне...

Я рада, что бригада наша выполнила план, что я живу в мирное и спокойное время.

Хочу сказать: добрый день, дорогая «Работница», желаю тебе всего, всего хорошего! Благодарю тебя за приятные проведенные вечера, за статьи, рассказы, за все, что я узнаю, читая твои страницы.. Спасибо от меня и от моих подружек, которые тоже читают и любят тебя.

Твоя Анна ЧЕРВЕНКОВА

Прага.

Поздравляю дорогую "Работницу"
со славным пятидесятилетием!

В. ПАНОВА

Семья Смирновых состояла из трех человек: отец, сын Алеша, девятиклассник, и семилетняя дочка Надя (осенью ей предстояло идти в школу).

Они жили в большом фабричном городе, в большом доме, в маленькой квартирке: комната, кухня, передняя.

Мать Алеши и Нади умерла несколько лет назад. На стене висел ее портрет. С первого взгляда видно было, как Надя на нее похожа.

Утром звонил будильник. Отец поднимался первым, ставил чайник на огонь и умывался. За ним вставал Алеша; включал радио, убирал свою раскладушку и между этими занятиями делал зарядку. Радио бравым голосом руководило им.

Надя нежилась в постели. Отец говорил:

— Вставай, солдат, побудку играют!

И она вскакивала. Одевалась сама, только надевая лифчик, поворачивалась к отцу спиной и просила:

— Застегни.

Отец раньше всех выпивал чай и шел на работу.

Когда выходили из дому Алеша и Надя, рабочий люд уже успевал разехаться.

Брат доводил сестру до детского сада, а сам шел дальше.

День их был трудовой, по-своему для каждого. Отец работал на заводе, Алеша сидел за партой и учился, а Надя гуляла со своим детским садом и прыгала через веревочку.

Вечером после ужина отец отправлялся с ней пройтись, говоря:

— Пошли подышали, перед сном дышать полезно.

Но как-то вечером отец, вместо того чтоб идти гулять, лег на диван, и лицо у него было усталое, скучное. Он лежал на спине, потирал левое плечо и морщился.

— Папа,— спросила Надя, появляясь с шапкой и пальтишком в руках,— мне одеваться?

— Алеша,— позвал отец.— Погуляй с ней.

— Ты нездоров?— спросил Алеша, приглядываясь к отцу.

— Да пустяки, ничего особенного. Устал немножко, и рука разболелась чего-то. Полежу, пройдет.

...Смирнова хоронил завод. Проводить его пришли товарищи по работе, соседи по дому. Играл оркестр, несли венки.

Кончился скорбный обряд. Негромко разговаривая, провожавшие расходились с кладбища.

Двое мужчин шли возле Алеши — Николай Николаевич и Дмитрий Дмитриевич, товарищи отца.

Николай Николаевич, мастер цеха, солидный, неторопливый, держался с большим достоинством, а худенький Дмитрий Дмитриевич о достоинстве как бы и не заботился, легко двигался, и легко смеялся и, если смотреть на него со спины, казался совсем молодым человеком.

На другой день после похорон он вошел своей легкой походкой к Николаю Николаевичу в конторку и спросил:

— Ну так как, Николай Николаич, что решаем? Не говорил с Алешей?

— Он сам первый заговорил,— сказал Николай Николаевич.— Я считаю, возьми ты его к себе, Дмитрий Дмитрич. На токарный.

— Почему на токарный?

— Потому что ему заработки нужны как можно скорей. Два человека, есть-пить надо.

— Надюшка ест в садике,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— сколько ему за нее платить придется,— ерунду.

— В садике она до осени только, а там в школу. Так что двое, считай, едоков. Да за квартиру. Да за электричество. Трамвай — на завод и обратно. Ботинки, то, се.— Дмитрий Дмитриевич слушал, наморщившись.— Что тебе не нравится?

— Сделал бы я из него тонкого специалиста,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— механика высокой квалификации, это бы дело было.

— Тонкую специальность с лету не схватишь.

— А чего,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— у него почти что девять классов. У нас с тобой сколько было?

— У нас другое кое-что было, чего у них нет.

— А девяти классов не было.

— Алгебру и геометрию не знали,— сказал Николай Николаевич,— зато жизнь знали.

— Николай Николаич,— сказал Дмитрий Дмитриевич,— не говори, пожалуйста, как будто ты какой-то академик по части знания жизни. Как будто наши дети какого-то второго сорта из-за того, что Советская власть дает им образование. Как будто им от этого ущерб. Неверно, Коля. Ерунда. Образование — это хорошо, а не плохо.

— Речь произнес,— сказал Николай Николаевич, выслушав спокойно,— и хорошо, а Алексея все-таки ставь на токарный. Получит приличную получку — сразу же почувствует почву под ногами. У него трудный сейчас момент.

* * *

Цех огромного станкостроительного завода был совсем другим миром, чем школа, и этот другой мир подступил вплотную к Алеше с требовательной серьезностью.

— Вот твой станок,— сказал Дмитрий Дмитриевич.— Валентин тебе объяснит и покажет, а дальнейшее зависит целиком от тебя.

— Ну, смотри,— сказал Валентин, молодой парень, немного постарше Алеши. Он показал Алеше устройство станка.— Теперь смотри внимательно. Что я делаю? Нажимаю рукоятку — включаю станок. Смотри внимательно! Что я делаю?

Алеша смотрел. Валиком ложилась на станину стружка. Валентин поднес к Алешиным глазам блестящий металлический цилиндр.

— А теперь сам попробуй.

Подошел другой парень и вместе с Валентином смотрел, как Алеша точит канавку.

— Заработок на таком станке иметь будешь,— сказал этот парень,— но я тебе скажу: ты на нем недолго засидишься. Попал в такой цех — есть смысл приобрести всестороннюю квалификацию.

В конце смены подошел Николай Николаевич.

— Ну как? — спросил он, рассматривая выточенную Алешей деталь.— Не боги горшки обжигают?

— Нет, все-таки, видимо, боги,— улыбнулся Алеша своей серьезной улыбкой.

— Ничего-ничего! — сказал Николай Николаевич.— Все так начинают, еще даже хуже!

Обтирая руки, подошел Дмитрий Дмитриевич.

— Итак,— сказал он.— Посвящение состоялось!

Вера ПАНОВА

Отрывок
из литературного
киносценария

БРАТ И СЕСТРА

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

— Ну, конечно,— сказал Николай Николаевич.— Держись, Алексей! Сейчас Дмитрий Дмитрич речь произнесет.

— И произнесу,— подтвердил Дмитрий Дмитриевич.— Скажу я речь о полюсах. Два полюса у Земли, два полюса имеется у всего на Земле. Например, правда и кривда. Богатство и нищета, например. Два полюса есть и у человека в работе. На одном полюсе стоит настоящий рабочий и вкалывает с чувством собственного достоинства. А на другом полюсе стоит придурок, и с виду он тоже как бы человек, но только дела никакого не знает и потому достоинства не имеет. А не имея достоинства, не в силах он оставаться наедине с самим собой и занимается пьянством, ухажерством и прочим пустым проведением времени. Руки свои придурок избаловал, голову испортил, и остается ему одно только орудие производства — длинный язык.

* * *

Однажды зашли к ним незнакомые мужчина и женщина с портфелями.

— Смирновы здесь живут? — спросил мужчина у отворившего ему Алеши и объяснил: — Из района.

И через минуту:

— Ну что ж, милый, все ясно, устроим сестренку.

— Как это? — спросил Алеша.— Она устроена, в детском саду. На той неделе на дачу едет...

— Ну, хорошо, дача,— сказал мужчина,— а придет с дачи, пойдет в школу,— на что жить будете?

— Я поступил на завод.

— Ну, хорошо, поступил на завод,— сказал мужчина,— а заботы, которых требует ребенок? Ты ей обеспечишь нужный уход?

— В детском доме,— сказала женщина,— ребенку будет несравненно лучше. У нас образцовые детские дома.

Надя посмотрела на женщину, потом на Алешу.

— Не знаю,— сказал Алеша.— Я не думал... Нет! Я не согласен в детдом.

— Это же предрасудок, молодой человек,— сказала женщина.— Вы будете мыслить иначе, когда увидите хоть один из наших детдомов.

— Не знаю,— сказал Алеша.— Нет! Не буду мыслить иначе.

— И вообще,— заключила женщина,— тут не стоит вопрос о вашем согласии. Никто вам не доверит ребенка, пока вам не исполнится восемнадцать. Вот если б опекун....

— Парень,— сказал мужчина Алеше уже не служебно-сердечным, а серьезным голосом,— тебе ведь будет ой как трудно. Представляешь ответственность...

— Вы будете извещены о решении района,— сказала женщина, собирая свои бумаги.

— Опекун — это кто? — спросила Надя, когда представители района ушли.

— Тот, кого назначат к нам с тобой для проформы,— ответил Алеша.— А морочить голову ты все равно будешь мне.

— Он будет добрый? — спросила Надя, подумав.

— А мы злого не возьмем,— сказал Алеша,— зачем нам злой?

Когда спустя неделю Надин детский сад уезжал на дачу и детишки под конвоем воспитательниц и родителей шествовали по платформе к электричке, рядом с Алешей шел Николай Николаевич. С достоинством и озабоченно он поглядывал на мельтешащую у его ног детвору.

* * *

Через несколько недель под вечер Алеша встречал тетку, сестру матери. День был серый, ветреный, по временам набегал дождь. Алеша остановился у вагона под номером 5 и рассматривал выходящих пассажиров, стараясь угадать, которая из них эта самая тетя...

— Алеша, здравствуй! — услышал он.— А я тебя сразу узнала.

Рядом стояла стройная молодая женщина в плаще с капюшоном, под капюшоном легкие светлые волосы, голос мягкий, ласковый.

— Знаешь, по чему узнала? По глазам! Они у тебя такие же, как в детстве... задумчивые!

— Здравствуйте, Жанна Васильевна,— сказал Алеша и взял у нее чемодан.

— Зови меня просто Жанна, пожалуйста. Наконец-то я здесь, милый ты мой мальчик! Ты не поверишь, как я к вам рвалась, мои бедненькие! Не поверишь — даже во сне вас видела... Ну ничего, с этой минуты ты не один, будь уверен. Сейчас приедем к тебе и все обсудим.

Так она говорила, пока они шли к трамваю.

— Я спать не могла, представляла, как ты тут... Ужасно! Но никак не вырваться было, я ведь преподаю в двух школах. Черчение и в младших классах пение. Представляешь, сколько приходится проверять чертежей? Ну, и хоть муж занят вечно и детей у нас нет, но хозяйство тоже требует забот...

Так она говорила в трамвае.

— Сейчас я все у тебя уберу, сделаю чисто, уютно... Милый ты мой, я сниму с тебя весь груз забот, самых больших и самых маленьких, я же у вас единственный родной человек! — так она говорила, поднимаясь по лестнице. Всю дорогу она не молчала ни минуты.

— У тебя аккуратненько,— сказала тетя.— Сам все делаешь, бедняжечка. Ну, ничего, в жизни пригодится... Если мои планы сбудутся, тебе станет легче.

— Какие планы?

— Надю я забираю к себе. Да-да, это решено, муж согласился...

Вероятно, она принимала его молчание за согласие и даже одобрение. Но ни одобрения, ни согласия не выражало лицо Алеши, хотя он и молчал, контуженный ее разговорчивостью... Тут она увидела на стене портрет Алешиной матери, теперь рядом висел портрет отца. Она сказала:

— До чего тяжело!

И покачала горестно головой, стоя перед портретами.

— Завтра мы поедем к Наде! — объявила она, утерев слезинку.— Ты когда завтра освободишься? Что ты работаешь на заводе,— это временно, потерпи, мы это обсудим. Все пригодится в жизни.

— В пять.

— Что в пять? Ах, освободишься. Так поздно! Ну ничего, я пройдуся, посмотрю город, магазины...

...Дача дача была обнесена частоколом. За частоколом бегали детишки и лепили пироги из песка. Самые маленькие водили хоровод и серьезно пели: «Каравай, каравай...»

Тетя остановилась у калитки.

— Постой,— с чарующей улыбкой сказала она Алеше.— Я хочу угадать, которая Надя.

Из-за кустов выползло несколько детишек. Они ползли на четвереньках, некоторые на животе. Среди них была Надя.

— Фашисты! — закричал кто-то из ползущих, увидев людей за калиткой, и вся ватага вскочила на ноги, целясь из палок, как из автоматов.— Тратата! Бах, бум!

Но все перекрыл Надин крик:

— Алешкааа!

Она раньше всех подбежала к калитке,

просунула нос между кольями и, прыгая от радости, говорила:

— А сегодня не родительский день. Родителям на территорию вход воспрещается.

— Ладно, — сказал Алеша. — Мы не пойдем на территорию. Позови Серафиму Александровну.

— Поскольку такие обстоятельства, — сказала Серафима Александровна, — я могу в порядке исключения отпустить с вами Надю погулять. — Отворила калитку и выпустила Надю.

— Поздоровайся, — сказал Алеша. — Это тетя Жанна.

— Здравствуй, деточка, здравствуй, миленькая! — сказала тетя, пылко целуя Надю. — Ну, пойдем, погуляем, познакомимся...

И, одернув и почистив на Наде платье, причем ее миловидное лицо выразило огорчение, тетя взяла Надю за руку и повела.

Алеша, Надя и тетя присели на берегу речки. Тетя поставила перед Надей роскошную коробку шоколада. На крышке были изображены Иван-царевич и Царь-девица на Сером волке.

— Кушай, деточка. Этот набор называется «Сказка».

Надя ела шоколад, а тетя говорила, волнуясь:

— Не нравится мне, Алеша, этот детсад и эта воспитательница. Мы заберем отсюда Надю сегодня же.

— Хм, — неопределенно хмыкнул Алеша.

— Мне всегда хотелось иметь детей, — говорила тетя. — Не поверишь — одно время я даже мечтала взять девочку из детского дома... Уж будь спокоен, ей плохо не будет. Все внимание ей, не то что здесь.

— Мы куда-то поедим? — спросила Надя.

— Сначала поедим мы с тобой, — сказала тетя, — а потом он к нам придет.

— Я не хочу, — сказала Надя и передвинулась ближе к Алеше.

— Тебе кажется, что ты не хочешь, — сказала тетя. — Потом захочешь. У тебя будет жизнь, как у этой красавицы на коробке. Много-много конфет. Много-много платьев. Ты любишь красивые платья?

— Люблю, — сказала Надя.

— У тебя будут чудные платья! Голубые, розовые, белые...

— А Алеша?

— Он потом придет.

— Не хочу, — сказала Надя.

— Я сегодня видела в магазине куклу — большую-большую, в красных башмачках и ресницы настоящие...

— Подождите, — сказал Алеша. — Подождите с куклой, Жанна Васильевна. Большое спасибо, конечно, но мы не поедим. Ни вместе, ни порознь.

— Алеша, как не стыдно! Я же вам добра желаю! Насколько тебе будет легче! Подумай, Алеша!

— А я думаю. И вчера много думал и сегодня. Нам ничего не нужно.

— Так-таки ничего?

— Жилье есть, — сурово сказал Алеша, — работа есть...

— Одним словом, все есть!

— А чего нет, — сказал Алеша, — я предпочитаю заработать сам, а не получать даром.

— Фу, какой ты, Алеша! — сказала глубоко разобиженная тетя.

— Нет, не фу! — гневно сказала Надя.

— Не будем больше об этом, Жанна

Васильевна, — сказал Алеша, предостерегающе положив руку Наде на плечо. — Вы не сердитесь. Вы у нас гостите, пожалуйста. Сколько хотите. Пожалуйста. А потом езжайте в Архангельск. Без нас.

— Правильно! — сказала Надя.

...Алеша и тетя сидели в ресторане при вокзале — тетя уезжала.

— А ты до конца продумал, что ты на себя берешь? — спросила тетя.

— Вы что хотите сказать? — спросил Алеша.

— Ты ей обязан быть моральным образцом! Вот что! Если взялся воспитывать! А молодость имеет свои порывы!

Алеша молчал.

— Ну что ж, ты так решил, — тетя повернулась к Алеше, — твое дело. И ее настроил, ну что ж. Но я умываю руки. Не жалуйся, если будет трудно.

— А кто сказал, что должно быть легко? — спросил Алеша. — Что вы все как сговорились: трудно, трудно...

— Не заносись, пожалуйста. Конечно, лучше, когда легко.

— А кто это сказал?

— Это весь мир знает!

— Два полюса есть в мире, — сказал Алеша. — Два полюса...

— Какие полюсы? Ты о чем?

— Теория такая о двух полюсах.

* * *

А перед первым сентября нежданно-негаданно к Смирновым пошли посетители, один за другим. Первым пришел Николай Николаевич.

— Очень рад, — сказал он. — Здравствуйте, барышня. Разрешите по случаю перемен в вашей жизни преподнести вам этот портфель.

— Николай Николаевич, — пробормотал Алеша, — ну зачем! Завтра я получу в кассе взаимопомощи, и все, что надо...

— Не волнуйся, — сказал Николай Николаевич. — Найдешь куда девать ссуду.

Потом вошли соседи и тетя Светлана с мужем. Муж нес пакеты. Они раскланялись с Николаем Николаевичем и сели. Тетя Светлана сказала:

— Может, Алеша, это надо делать как-то по-особенному, тонкий подход придумывать. Но у вашего отца знала и мать знала. И потому без подхода, прямо к делу. Это мы Наде принесли, что требуется.

— Вот, — сказал ее муж и положил пакеты на диван.

— Не возражай, Алеша, — сказала тетя Светлана. — Мы имеем право. Как соседи.

— Если хочешь, будем считать, что это заимообразно, — сказал муж тети Светланы, видя, что Алеше не по себе.

— Ничего не заимообразно, — сказала тетя Светлана. — Ни к чему интеллигентский туман этот. Наш подарок Наде, и все тут.

— Почему интеллигентский туман, — возразил муж, — когда-нибудь туго придется нам или другому какому-нибудь человеку, вот он свой долг и отдаст.

— А, ну это другое дело, — сказала тетя Светлана.

...Утром первого сентября Алеша отвел Надю в школу.

На улице было полно школьников. В том числе первоклассников, которые шли с родителями, бабушками и дедушками.

В этом потоке Надя вошла в школьную дверь — кончилась первая пора ее детства.

Девичья весна

В вагончиках на стане полевым,
Когда метелит ранняя весна,
В порывистом напеве ветровом
Девчонки слышат милых имен.

Они вздыхают, шепчутся... И вновь
Молчат... И снова слышно в тишине:
— Он любит ли?
— Он верит ли в любовь?
— Он помнит ли сегодня обо мне?

А март в окно бросает хлопья
снежные...
— Ах, девочки, кружится голова!..
— Ах, девочки!..
Он говорил мне нежные,
Большие, необычные слова...

Они листают номера «Работницы»,
Как будто на вопросы ждут ответ.
О, девичья весенняя бессонница!
А бригадир ворчит: «Гасите свет!»

А бригадир — ей нынче двадцать
девять —
Сама встревожит шепотом девчат:
«Ах, девочки! Скажите, что мне
делать?»
Он пишет: возвращайся в Ленинград!

А мне совсем другие речи помнятся...
И бригадир тихонько погрустит,
Потом зажжет огонь, и вновь
«Работница»
Страницами легко зашелестит.

А март в окно бросает хлопья
снежные,
И от стихов кружится голова.
А девочкам, наверно, снятся нежные,
Большие, необычные слова.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Год твоего рождения

Нынче год твоего рождения,
Нынче день твоего рождения,
В этот час родилась ты когда-то,
И друзья отмечают дату.
Сколько лет над тобой пролетело,
Сколько зим над тобой прозвенело,
Сколько осеней отшелестело,
Сколько весен отзеленело!..
Но не принято спрашивать женщин
О годах даже в день рождения.
Я даю им обычно меньше,
И они берут тем не менее.
Это, может быть, грустно немного,
Мы о прошлом твердим, как о чуде.
Чем смелее была дорога,
Тем светлее дорога будет!
Счастье помнит и боль и горе,
Счастье любит считать сединки.
Сердце с вечностью в долгом споре,
Сердце с временем в поединке.
Ты выходишь из этого боя
Удивительно молодою,
Хороша и пригожа собою,
Будто свежей умылась водою.
И твоей нестареющей, строгой
Красотою любят люди...
Чем смелее была дорога,
Тем светлее дорога будет!

Пятьдесят лет назад «Работница» была первым и единственным женским большевистским журналом. Сейчас в семье женской советской печати девятнадцать сестер: всесоюзные журналы «Работница», «Крестьянка» и «Советская женщина» (издается на десяти иностранных языках) и журналы союзных и автономных республик — их шестнадцать. У каждого свой язык, свои национально-литературные традиции, свой колорит. Но есть нечто общее, что роднит всех. Это общее — высокая идейность, захватывающий дух великого созидания, дух творческого труда строителей коммунизма, среди которых женщине принадлежит немалая роль.

Все самое передовое, что ежедневно рождается в практике жизни, подхватывают, поддерживают и распространяют журналы, помогая труженицам осваивать опыт «маяков».

Естественно, что главной темой женских журналов стало воспитание нового человека, окрыленного большой идеей, душевно богатого и красивого. Ведь мать первая дает представление детям о том, что хорошо и что плохо, и от нее во многом зависит, какой вырастет наша смена.

Журналы бывают суровыми в критике, они ведут беспощадную войну с тем, что осталось еще от прошлого, что принижает достоинство женщины, мешает ее росту, портит жизнь. В респуб-

лических делах, призванных снять с женских плеч груз домашних хлопот, помочь им в воспитании детей.

С журналами связаны сотни тысяч активисток; они ходят по «чужим» делам, заботятся о «чужих» детях.

Острота и актуальность вопросов, которые поднимаются на страницах женских журналов, доброе внимание к судьбам и жизням современниц сделались очень нужными для миллионов людей. Недаром женским журналам во всех республиках принадлежит первенство по числу подписчиков. Их тиражи намного превышают тиражи других журналов. Общий тираж женских

ПОДРУГИ

Откроем ли мы белорусскую «Работницу и сялянку», или украинскую «Радянську жінку», журнал узбекских подруг, или журнал женщин Грузии — любой из шестнадцати, и он порадует широкой тематикой, вниманием к разным сторонам жизни советских людей, чувством глубокой дружбы народов нашей страны, задушевностью тона.

Хозяйки журнальных страниц — сами женщины, наши современницы, преобразующие своим трудом Родину. Они авторы и героини очерков и корреспонденций. Страницы журнала не просто рассказывают об их жизни, они передают дыхание времени, мысли, волнения, проблемы, которыми живут наши женщины.

В ликах Средней Азии, например, женские журналы яростно воюют против остатков феодально-байского отношения к женщине.

В свои журналы женщины часто обращаются с горестями и бедами. И печать помогает им бороться с лодырями, туеядцами, рвачами, бюрократами, против равнодушия и эгоизма.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза поставлены задачи: в самый короткий срок ликвидировать остатки неравноправия женщин в быту. И здесь женская печать может и должна сделать многое. Во всех республиках журналы стали организаторами женской общественности, заплатами

журналов, выходящих в СССР, — 10 миллионов 250 тысяч экземпляров!

У многих женских журналов уже немало лет за плечами, и каких боевых лет! Они вырастили талантливых журналисток, писательниц, поэтесс, имена которых мы встречаем и в республиканской и в центральной печати. Их новых произведений с нетерпением ждут читатели.

У первых большевистских журналисток, которые в черные годы царизма несли людям слова ленинской правды, учатся советские журналистки идейности, принципиальности, горячему служению великому делу Коммунистической партии.

Вместе с активом

Мы, сормовички, поздравляем всех читательниц «Работницы» с днем 8 Марта, а сам журнал — со славным юбилеем — пятидесятилетием со дня выхода первого номера.

Хочется рассказать, как журнал помогает нам в работе. Прочитали мы в «Работнице» обращение орловских женщин взять под контроль общественных строителей детских садов и яслей и тут же решили: установим контрольные посты на стройках детских учреждений, будем следить, чтобы их строили быстро и хорошо. Потом мы организовали детский сад на общественных началах. Сперва это была просто детская комната при домоуправлении. Сюда приходили и школьники и малыши. Потом матери стали просить: нельзя ли устроить для малышей постоянную группу. А мы уже и сами видели: нужна такая группа. И открыли ее. Матери, конечно, обрадовались, а мы, члены женского совета, стали поочередно в ней дежурить. К нам на помощь пришли воспитатели, учителя, так что теперь у нас все идет по программе, как положено в детском учреждении. Но, к сожалению, есть еще

у нас безнадзорные ребятишки. И опять журнал «Работница» подсказал нам, что надо делать. По примеру других женских советов мы учли всех «трудных» ребят и за каждого закрепили взрослого «шефа».

Большой актив у нашего женского совета, но уж если говорить о тех, кто печется о ребятишках, то хочется назвать Антонину Федоровну Смирнову, Александру Капитоновну Куликову, Прасковью Федоровну Дмитриеву, Нину Андреевну Строкину, Марию Михайловну Курицину и Клавдию Васильевну Ирину.

Много внимания мы уделяем и антирелигиозной работе. Часто бываем в домах, разговариваем с женщинами, объясняем, какой вред приносит религия, какие пагубные последствия могут быть, если крестить детей. В прошлом году у себя в районе мы обнаружили две тайные молельни и предприняли чистую знахарку. Мы обнаружили их темные делишки и добились выселения содержатель молельни и знахарки из нашего города.

А. КРЫЛОВА,
председатель женского совета
Сормовского района
г. Горький.

Волгоградки

На Волгоградском химическом заводе скоро будут выпускать полимикрорудобрения из отходов производства цинковых белил.

Коротко о многом

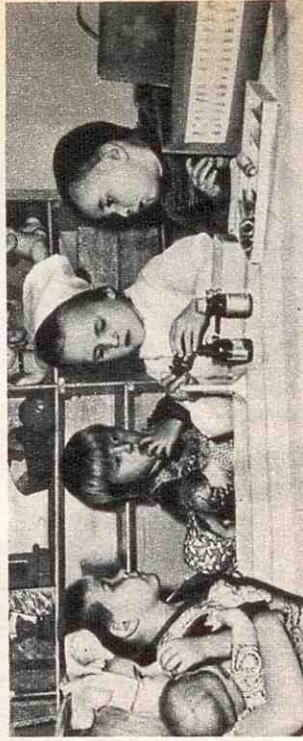

Мечта, романтика, веселье — постоянные спутники членов пионерского клуба домоуправления № 8 г. Севастополя. Уже много лет руководит детским клубом коммунистка Клавдия Александровна Савина.

Фото Н. ГРИГОРЬЕВА.

120 малышей отлично чувствуют себя в своем новом доме. Это второй детский комбинат, выстроенный за последние два года Мантуровским лесозаводом (Костромская обл.)

Фото Г. МАТВЕИЧЕВА.

В Горной Колывани

Наш поселок Горная Колывань расположен в Алтайских горах, у подножия Сихотэ-Линьского хребта. До райцентра — полторы сотни километров, до ближайшего города Змеиногорска — сорок. Да к тому же преодолеть эти километры не так легко. Летом чуть прошел дождь — и горы Гляден, что стоит на пути, не пропустит ни одну машину. А зимой заметет пурга на дороге, и на лошади не проедешь. Мы думаем, что в таком маленьком поселке люди должны жить как одна дружная семья. А будет ли она дружной, если какой-нибудь пьяница или дебошир портит настроение жене, детям, соседям? Правда, та-

ких у нас немного, и с ними можно, конечно, справиться. Вот прослышали мы, что кое-кто из жителей поселка занялся нехорошим делом — гонит самогон. Проверили, факты подтвердились. Конечно, конечно, через милицию привлечь их к судебной ответственности. Но мы решили поступить по-другому. Пригласили людей на лекцию о вреде алкоголя. Мы знали, что человека, в котором уснула совесть, лекцией не проймешь, поэтому после лекции члены женского совета встали и назвали фамилии самогонщиков и тут же при всем честном народе призвали их к ответу. Лекция преврати-

лась в общественный суд. Сейчас заметно присмирели виновники. Ну, а если еще раз услышим, что-либо подобное, не миновать самогонщикам и пьяницам более строгого наказания.

Женщин Горной Колывани интересует все, что происходит в нашей стране и за рубежом. Поэтому мы разделили поселок на 18 участков и за каждым закрепили агитатора. Соседи часто заглядывают друг к другу поговорить о том, о сем. На такие посиделки приходит агитатор, начинаются беседы на самые волнующие темы: о воспитании детей, о моральном облике советского человека, о международных событиях.

М. ТРАВКОВА,
председатель женского совета
Алтайский край.

на Волгодонском химическом заводе скоро будут выпускать полимикродоброин из «тхолов» производств цинковых осей.

К весенней посевной шестого года семилетки будет выдано столько чудесного порошка, что его хватит для обработки нескольких десятков тысяч тонн семян кукурузы.

Душой нового дела на заводе является заведующая лабораторией Евгения Пьянова. Измельчение целебного порошка будет производиться по рекомендациям, разработанным в лаборатории.

Тамара Савитрова — молодой инженер-строитель треста «Приволжтрансстрой». Многие проекты железнодорожных сооружений, а также новостроек в совхозах области, полнотных путей к хлебозаготовительным пунктам и химическим предприятиям прошли через ее руки. Трудолюбивая, пытливая, неутомимая — такой Тамаре ее товарищи.

НА СНИМКАХ: Е. Пьянова (слева) определяет качество размола полимикродоброин, Т. Савитрова производит расчеты очередного рабочего проекта.

Фото А. ИГОЛЬНИКОВА.

Заслуженный рационализатор

Пятнадцать лет занимается рационализаторством технолог Харьковского тракторного завода Валентина Васильевна Дмитриева. В цугу солинейном цехе она работает инженером, руководит работой и формирует коллектив. Дмитриева — старший инженер. Она хорошо изучила литейное дело и много сил отдаст его совершенствованию.

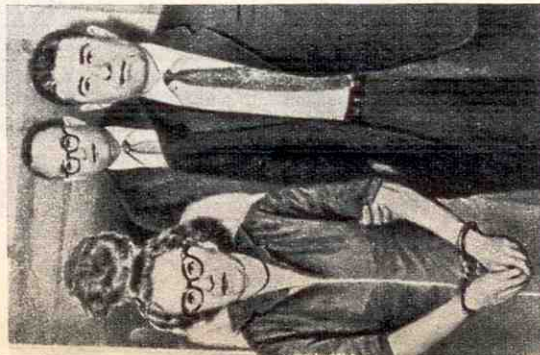
За последние пять лет Валентина Васильевна внесла десятки рационализаторских

В кандалах

Эта женщина в наручниках не совершила кражи и даже не сопротивлялась аресту. Зена Друкман, работница большого мехов в Сан-Франциско, обратилась к американским властям с просьбой выдать ей паспорт за рубеж. Но, по закону Маккарена (раздел № 1542), американские граждане, являющиеся членами коммунистической партии, не имеют права не то что путешествовать за пределы США, но даже подавать заявление о выдаче паспорта. Нарушителя закона ждет жестокое наказание: штраф в 10 тысяч долларов и 5 лет тюрьмы.

Чиновники американ-

Городской слет женщин

В этот день хозяйками Дворца культуры были женщины. Радостные, нарядно одетые, собрались они на первый слет тружениц Ржева. В зале можно было видеть прославленных и самых уважаемых женщин города. Всем известна в Ржеве Александра Михайловна Соколова — машинист локомотивного депо, награжденная орденом Ленина. Такой же орден сверкает на груди Нины Васильевны Земчихиной. Несколько лет назад она ушла из канцелярии в цех льнопрядильной фабрики, стала льночесальщицей, передовиком производства.

На слете шел большой разговор о роли женщин в успешном выполнении планов предприятий, в воспитании нового человека. Выступавшие рассказывали об успехах тружениц заводов и фабрик, говорили о необходимости улучшить условия женского труда, еще шире вовлекать работниц в общественную жизнь.

Начальник центральной лаборатории машиностро-

предложений. Шестидесяти из них внедрены в производство. Это дало заводу больше тридцати тысяч рублей условно-годовой экономии.

Дмитриевой присвоено почетное звание «Заслуженный рационализатор УССР». Ее избрали в Центральный совет Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей.

Вступив в шестой год семилетки, Валентина Васильевна с еще большей настойчивостью борется за технический прогресс у себя в цехе.

Г. МАКЕЕВА, редактор газеты «Темп» Харьковского тракторного завода

На снимке: В. Дмитриева. Фото Д. ШЕВЧЕНКО.

С сумкой, полной вестей

Это было давно, когда Саша Виноградова, только что познав тайну буквы, читала все, что попадалось ей на глаза: вывески на улицах, адреса на почтовых конвертах. Как в почтовом ящике на домашней двери что-то бежит, она стелшила за маленьким ключиком, торопливо вынимала почту и важно разносила ее по комнатам коммунальной квартиры.

Однажды Саша вытащила письмо, которое было адресовано в соседнюю квартиру. Девочка отнесла его. Соседка радостно приняла письмо к груди и заплакала. И Саша поняла: письма приносят людям радость.

В тот день, когда Сашу Виноградову принесли на работу в отделение связи, почта почему-то пришла поздно. Кто-то из почтальонов сказал: «Ничего, завтра утром доставим. Газета не хлеб».

Саша вспомнила, как жители их дома заглядывают в почтовые ящики в надежде получить свежую газету и взяв тяжелую папку, отправились по домам.

Саша по-прежнему работает почтальоном. Участок у нее большой. Ходить приходится много. Но как ни спешит де-

вушка, она всегда найдет время, чтобы почтить письмо старой женщине, написать на конверте адрес.

Она знает почти каждую семью на своем участке. Вот здесь, в этой квартире, все радуются. И, наверное, накануне праздника им трудно будет выспаться на полу, чтобы поздравить друзей. Вечером она приходит сюда с бланками телеграмм, а наутро опустает в почтовый ящик квитанции. Саша всегда охотно выполняет просьбы отправить заказные письма, принести конверты открытки, подписать на газеты и журналы.

Сашей часто делаются новости, которую она только что в своей почтовой сумке доставила в этот дом. Она бывает счастлива, если письмо принесет человеку добрые вести, и оторвется, когда к людям приходят неприятные сообщения. Не в одной семье считают почтальона своим хорошим другом. И когда Саше присвоили почтальонское звание, эту коммунистическую награду, радость разделили с ней многие.

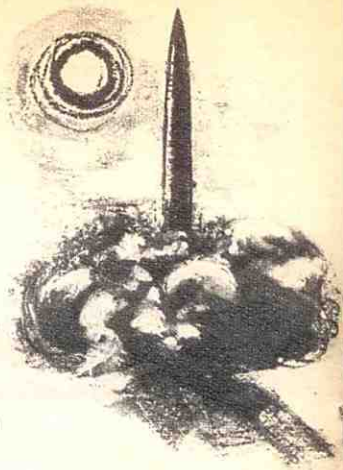
В. КУПИН, секретарь загорского горкома ВЛКСМ

Фото Н. МАТОРИНА.

*В день юбилея поздравляю мобилу
"Работницу".
От души хочу, чтобы она всегда
была крылатой, острой и молодой.*

Виталий

НА КОСМОДРОМЕ

В издательстве «Правда» готовится к печати автобиографическая повесть летчика-космонавта В. Николаевой-Терешковой «Вселенная — открытый океан» (литературная запись специальных корреспондентов «Правды» С. Борзенко и Н. Денисова). Мы помещаем отрывок из этой повести.

**В. НИКОЛАЕВА-ТЕРЕШКОВА,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР**

силась она к шероховатостям, допущенным в прыжках, как терпеливо докапывалась до причин ошибок и неудач.

И вот мы отправились на космодром. Довольно-таки долгую дорогу на Байконур я провела у иллюминатора самолета. Порой мой взгляд встречался с темноватыми глазами подруги, мы молча улыбались друг другу.

Байконур встретил нас жарой и ветреной погодой. Разместились в гостинице, расположенной на краю выросшего за несколько лет в сыпучих песках городка. Каждый наш день был строго регламентирован. Когда утреннее, еще не жаркое солнце бросало первые лучи на дорожки сада, мы выбегали на физзарядку. Нас, девушек, опекал Гагарин, а Валерия — Николаев. Вместе мы проделывали ряд упражнений. Потом душ, завтрак и работа до обеда и после обеда. И только вечером свободное время: почитать книгу, помечтать под луной, взошедшей над степными просторами... Оставаясь одна, я вспоминала Ярославль, друзей, маму... Земляки в эти дни жили большим событием: в Ярославле находился товарищ Н. С. Хрущев. Радио передавало о его встречах с ярославцами, о посещении шинного завода, где начиналась моя трудовая жизнь. Может быть, Никита Сергеевич побывал и в браслетном цехе, видел станок, на котором меня учили? До сих пор мне всего два раза довелось видеть Никиту Сергеевича: на XIV съезде комсомола и на правительственном приеме в Кремле после полета Андрияна Николаева и Павла Поповича. Тогда нас, девушек-космонавтов, представили ему, и Никита Сергеевич, пожав нам руки, сказал:

— Спасибо большое матерям вашим, воспитавшим таких девушек...

Настал предстартовый день. Я все приглядывалась к Валерию: не нервничает ли? Но он оставался таким же шутником, нисколько не озабоченным, спо-

койным. «Именно так и надо держать себя», — подумала я. После завтрака мы немного позанимались: Валерий, его дублер, я и моя подруга-дублер; еще раз уточнили порядок радиосвязи в космосе между кораблями и с Землей. А потом поехали к ракете на традиционную встречу космонавта со стартовой командой. Смущаясь, Валерий пожимал руки, отвечал на приветствия.

Утро 14 июня выдалось светлое, безветренное. Все выше поднималось солнце, приближая время старта. И вот уже наш голубой автобус подъехал к стартовой площадке. Глядя на Валерию, словно рыцаря, облаченного в космические доспехи, мы громко пели: «Давай, космонавт, потихонечку трогай и песню в пути не забудь!»

— Пора! — Валерий дружески попрощался с дублером и сказал мне: — До скорой встречи на орбите...

Мы направились на смотровую площадку, находящуюся несколько поодаль от ракеты и бункера, из которого осуществляется запуск корабля на орбиту. Ракета, окруженная фермами обслуживания, величественно возвышалась над степью. Заканчивались последние работы. В репродукторе, установленном на смотровой площадке, слышались два голоса — Гагарина и Быковского: они поддерживали связь между командным пунктом и космическим кораблем. К микрофону подходил и Главный Конструктор. Спокойным голосом он задавал космонавту вопросы.

Присев возле стереотрубы, наведенной на стартовую площадку, я прильнула к окулярам. Мощная оптика приближала ракету, отчетливо виднелись все части ее могучего корпуса, казалось, чуть-чуть покачивающегося в струях прокаленного солнцем марева. Поднявшийся ветерок крутил в степи небольшие песчаные смерчи. И они и зыбкое марево у горизонта создавали впечатление миража. Мы все волновались.

Пятиминутная готовность... Фермы обслуживания, подобно лепесткам раскрывшегося цветка, отошли в стороны, обнажив серебристый стембель ракеты. Последние секунды. Их отбивали не только в бункере, у пульта управления стрелки точнейших хронометров, но и сердца людей на космодроме.

Столбы нестерпимо яркого пламени приподняли ракету. Могучий рокот двигателей расколол воздух. Ракета, все убыстряя движение, все дальше и дальше уходила в небо, разрывая цепкие пути земного притяжения. Над заволоченным пылью космодромом в небе,

Первомайские праздники я провела в Ярославле, встретила с подругами по цеху, по заочному техникуму, по аэроклубу; в колонне красноперкопцев шагала на демонстрации.

Друзья и родные интересовались, как у меня дела.

— Нормально, — отвечала я, — много прыгаем, тренируемся...

По всему было видно, что приезд в Ярославль последний перед скорым полетом в космос. Мне хотелось поделиться мыслями и чувствами с близкими людьми. Но я сдержала себя. Даже маме ничего не сказала. Откройся ей, расскажи, что готовлюсь к полету на космическом корабле, сколько бы у нее было волнений и переживаний! А ведь еще неизвестно, назначат ли меня в полет. Ведь и у других девушек нашей группы показатели готовности к космическому полету такие же, как и мои.

Первым в космос, по намеченному плану, должен выйти «Восток-5» с Валерием Федоровичем Быковским на борту, а затем на орбиту предполагалось вывести «Восток-6» с космонавтом-женщиной. Предварительные тренировки строились по этому варианту. Вместе с Космонавтом-пять мы в деталях отрабатывали на земле все, с чем могли встретиться в совместном полете. На этих занятиях я ближе узнала Валерию Быковского, прониклась уважением к нему. Он принадлежал к летчикам, первыми пришедшим в группу космонавтов, — человек закаленный, куда больше повидавший, нежели мы, девушки.

Задание на полет «Востока-6» на равных правах со мной отрабатывала и моя подруга, тоже спортсменка-парашютистка, воспитанница одного из аэроклубов. У нее на счету гораздо больше прыжков, нежели у меня. Она участвовала в крупных состязаниях по парашютному спорту. Сильная, волевая, с сдержанным характером, девушка все делала старательно. Меня заинтересовал ее «технический дневник» — несколько записных книжек, на страницах которых она обстоятельно разбирала каждый свой парашютный прыжок. Листая блокноты, исписанные ровным почерком, я видела, с какой взыскательностью отно-

словно росчерк алмаза на стекле, возник инверсионный след, оставленный ракетой. И тотчас из репродуктора раздался ликующий голос Валерия. Восторгаясь красотой Земли, он крикнул:

— Все идет отлично, отлично!

С первой секунды старта «Востока-5» на Главном командном пункте управления космическим полетом закипела работа. Как только в моих предстартовых занятиях выдавалось «окошечко», я бежала в помещение командного пункта за новостями. Хотелось во время очередного сеанса связи с «Востоком-5» услышать голос Валерия, увидеть его изображение на экране телевизора, сказать ему несколько слов.

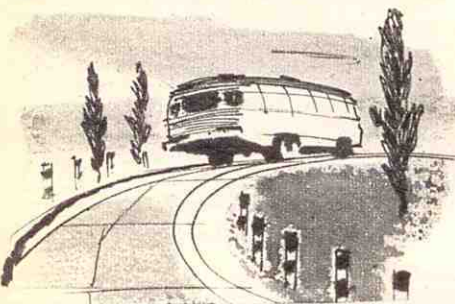
Когда «Восток-5» завершал вокруг планеты второй десяток витков, мы с подружкой-дублером направились к ракете на встречу со стартовой командой. На мне был праздничный костюм из легкой голубой материи и белые туфли на высоком каблучке. Подруга надела платье кораллового цвета, идущее к ее темным волосам. Критически прищурив свои внимательные глаза, один из врачей оглядел нас с головы до ног.

— Элегантные девушки... Никогда не скажешь, что знакомы с центрифугой и теплокамерой...

На митинг собралось много народу. Товарищи читали свои стихи, говорили в наш адрес прочувствованные слова, преподносили букеты цветов.

После встречи со стартовой командой мы с подружкой-дублером быстро переоделись в спортивную одежду и вместе с Главным Конструктором поднялись лифтом к кораблю. Пробыли там минут сорок, еще раз «накоротке» проигрывая все действия на старте в момент отрыва ракеты от Земли, взлета и выхода корабля на орбиту.

Когда закончились последние медицинские процедуры, стемнело, черное бархатное небо покрылось бриллиантами звезд. По пути в «домик космонавтов» зашли на командный пункт узнать, что происходит в космосе. Быковский продолжал успешно выполнять программу научно-технических работ и наблюдений. Дежурный, приняв от него очередные сообщения, пожелал доброго

пути и спокойной ночи. В ответ Валерий пожелал приятных сновидений «Чайке». Он уже ждал меня на орбите!

Солнце довольно высоко поднялось над горизонтом, когда меня за плечо тронул врач.

— Пора.

Я открыла глаза.

— Дайте еще минуточку подремать...

Хотелось, как в детстве, понежиться немножко в постели. Глаза остановились на красных цифрах настольного календаря: «16 июня 1963 года, воскресенье». Вот и пришел мой красный день! В рас-

крытое окно врывались зеленоватые солнечные лучи, сквозь листву серебристого тополя голубело чистое небо.

Настало время отъезда на стартовую площадку. Неуклюже шагая в космическом облачении, я вышла из помещения и поднялась в автобус. Когда он тронулся, сразу стало шумно, все наперебой что-то говорили.

Затянули песню. Хором спели о том, что придет время, когда «на пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...». Затем запели другую, чуть по грустнее, расставальную. В окнах автобуса показалась устремленная в небо ракета. Сквозь ажурное плетение ферм обслуживания на солнце поблескивал ее серебристый корпус.

— Пора прощаться, — сказал Титов.

Он и Андриян Николаев всю дорогу просидели на полу возле моего кресла. Первой попрощалась со мной подружка-дублер. Мы глубоко заглянули друг другу в глаза, разом вздохнули и, ничего не говоря, «чокаясь» гермошлемами, умудрились несколько раз поцеловаться. Затем стали подходить врачи и специалисты. Я попрощалась с Андрияном, сильно пожавшим мне руку.

— Привет Валерий, — сказал он, помогая опуститься на подножку автобуса.

Я подошла по бетонным плитам стартовой площадки к председателю и членам Государственной комиссии.

— Космонавт Терешкова к полету на корабле-спутнике «Восток-6» готова!

И вот последние шаги по ступенькам железной лестницы, ведущей к лифту. Сколько затрачено сил и времени, чтобы подняться на них! Со всех сторон слышались приветственные восклицания, я слышу, как чей-то голос, перекрывая все голоса, провозглашает:

— Да здравствует наша партия!

В лифте мне улыбались Герман Титов и другие специалисты. В кабине они с шутивными прибаутками сняли пластиковые чехлы с моих ботинок, помогли принять нужное положение в кресле. Увлеченная проверкой оборудования, я и не заметила, как они исчезли и закрыли крышку люка. Я осталась в кабине одна. Но размышлять было некогда: началась предстартовая связь с командным пунктом. Оттуда слышался мягкий голос Гагарина, требовавшего докладывать обо всем. Я старалась отвечать как можно четче.

— Объявлена десятиминутная готовность, — напомнил Гагарин.

Микрофон взял Главный Конструктор.

— Счастливого полета, Валя!

...Пятиминутная готовность... Трехминутная...

— Гермошлем закрыла, перчатки надела, — доложила я, принимая нужную для старта позу.

Время словно остановилось. Долгодолго тянулись томительные, самые последние секунды. Внутренне вся собравшись, я следила, как секундная стрелка перепрыгивала с одной риски циферблата на другую. Вот она сделала один круг... Другой... Пошла на третий...

— Ключ на старт! — как-то особенно громко прозвучала в шлемофоне отданная в бункере команда. И вот еще одна, долгожданная:

— Подъем!

Часы показывали двенадцать часов тридцать минут по московскому времени...

МЫ-

ЖЕНЩИНЫ

Я женщина.

А люди говорят,
Что истари у женщин память крепче.
Неужто я полсотни лет назад
Умела только хлопотать у печи?

Я строила большие города,
Я правила не домом, а страной,
Я отдала на долгие года
Моей Земле мое тепло земное.

Держала мир, как сына, на руках,
Любовью и тревогою богата.
Когда же мой покой нарушил враг,
Я стала и солдаткой и солдатом.

Мы часто говорим: «Двадцатый век».
Мы знаем наизусть его приметы
От новой правды в слове «человек»
До росчерка космической ракеты.

Я женщина.

И я умею ждать
Любимого из самых дальних рейсов.
Я и сама умею уезжать
К великой цели по звенящим рельсам.

Летел Гагарин —

Женщина ждала.
О позывных тревожное звучанье!
И я смогла бы, раз она смогла,
Свершить, как славный подвиг,
ожиданье.

Так в шторм, когда вдали ни огонька,
Ни маяка, лишь волны в шапках белых,
Зовущим взмахом доброго платка
Моряк далекий различает берег.

Нам провожать, нам ждать на берегу,
Но если надо — ринемся в стремнину...
Она смогла.
Так, может, я смогу
Рвануться в космос, словно Валентина?!

Я помню все:

И как сварить обед
И как ведро нести на коромысле.
Я не смогу зазнаться от побед,
Но я себя по-новому осмыслю.

Через века я гордо пронесу
Веками мне завещанное званье,
И первый смех, и первую слезу,
И бесконечный подвиг созиданья.

Это Валя.

У НАС, В КОЛОМНЕ

Фотоочерк Т. АЛЕКСАНДРОВОЙ и Н. МАТОРИНА.

Бывают же на свете совпадения! Когда мы спросили у Вали Коломых, как отдыхают девчата и парни с ее завода, она улыбнулась: сегодня ей уже пришлось ответить на такой вопрос. И Валя разрешила нам познакомиться читателей с письмом к товарищу Юрию Нестерову.

«Здравствуй, Юра!

Я тебя понимаю. По нашему заводу нельзя не скучать. И хорошо, что после армии ты снова вернешься к нам. Ты знаешь, я здесь уже три года, а до сих пор не могу спокойно смотреть, когда выкатывают из сборочного новый тепловоз.

Я по-прежнему в сталелитейном, крановщица, и по-прежнему комсорг. Правда, ребята надо мной подшучивают: «Ты, Коломых, не секретарь комсомольского бюро, а директор магазина музыкальных инструментов. И в самом деле! Комнатка нашего бюро похожа на магазин: на стенах развешаны гитары, мандолины... Сейчас в каждом цехе такая самодеятельность! Забегийшь в обед в красный уголок инструментального — там гремит эстрадный оркестр. А если бы ты слышал, как поют девчата в цехе нормалей!

Иногда смотрю на ребят и думаю: как только все успевают? Работают, учатся. В этом году студентов больше, чем в прошлом. Казалось бы, времени в обрез. Но кончается смена, и всякий раз слышишь, как, прощаясь у проходной, рабочие говорят друг другу: «Не опаздывай в университет культуры!». «На заводском стадионе соревнования!», «Занятия в хореографической студии начинаются ровно в семь!»...

Первый снег принес на завод лыжный вирус. Уже и зима кончается, а лыжная лихорадка все еще не утихает. Обычно в пятницу делаем коллективную заявку на лыжи, а в субботу отправляемся в поход в Борхино. Ты помнишь, какой там лес, горы?.. Да-да, это — то самое место, где летом пионерский лагерь, а осенью заводской дом отдыха.

В одном из домиков устраиваемся на ночлег. Топим печку. Слушаем рассказы полыхающих поленьев, поем. Утром умываемся снегом, пьем божественный чай и спускаемся на лыжах с головокружительной кручи прямо к реке. А здесь уже колдуют у лунок рыболовы. Вот кому действительно не спится. И как только они ухитряются добираться сюда в такую рань! Кстати, у нас на заводе многие женщины стали увлекаться зимней рыбалкой. Ты не подумай, что я говорю это из солидарности, но улов у них почти всегда больше, чем у мужчин. Так что теперь даже самые хвастливые заводские рыболовы приумолкли.

По-прежнему часто ездим в Конев Бор. По воскресеньям это тихое место похоже на суетливый улей. Сюда приходят на лыжах целыми семьями.

Ты еще не видел заводского профилактория? Да, ведь при тебе он только строился. Здание красивое, огромное, светлое. И уже поднимается рядом парк. Летом цветут розы. Отдыхают здесь и пенсионеры и ребята-комсомольцы, в основном те, кто работает и учится.

А во Дворце культуры становится тесно. Ты можешь себе представить, в нашем Дворце культуры, где, кажется, и за день не обойдешь всех комнат, тесно. Каждый вечер здесь не меньше десяти репетиций: вокалисты, мужской хор, новая программа агитбригады...

Наш народный театр поставил пьесу Горького «Враги». Премьера прошла с большим успехом.

А недавно родился КВН — Клуб веселых и находчивых. В первый вечер соревновались ребята с нашего завода и станкостроители. Мы победили. Команде здорово помогли болельщики.

Если у тебя летом будет отпуск, приезжай. Можешь пригласить и своих новых друзей. Тебе-то не стоит рассказывать, какой приветливый народ коломенцы. На заводской турбазе, в палаточном лагере, можно хорошо отдохнуть. Там сейчас солидное хозяйство: спортивные площадки, лодки, рыболовные снасти...

Приезжай, очень тебя ждем. С приветом, Валя».

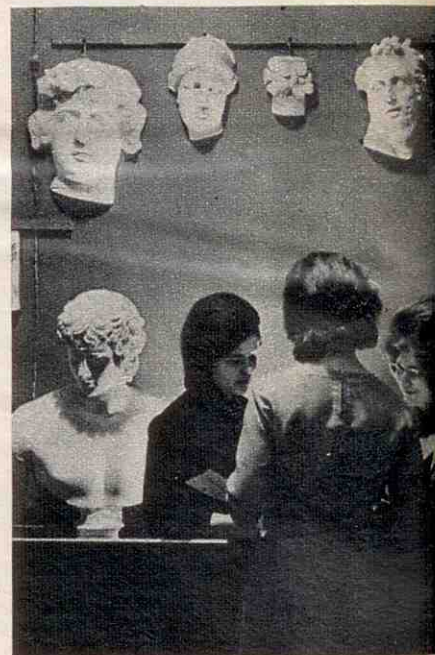
Поэт лауреат. Такое почетное звание Света Фомина получила на областном смотре художественной самодеятельности.

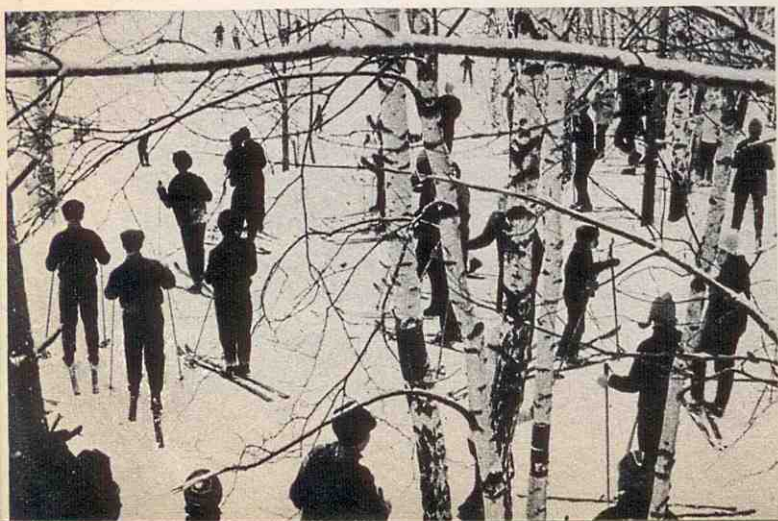
В заводском спортзале встреча: тепловозостроители — станкостроители.Guestы приняли радушно и... обыграли.

Маляр Надежда Никаноровна Шибалова — главный герой самых фантастических рыболовных историй.

С римскими и греческими богами в изостудии на короткой ноге.

Конев Бор в воскресенье.

Выступает хореографический коллектив заводского Дворца культуры. Кажется, сама Венгрия принесла на сцену свой веселый чардаш.

ЧЕТЫРЕ СООБЩЕНИЯ ОДНОГО ДНЯ

Б. СТРЕЛЬНИКОВ

На одной из улиц Нью-Йорка мое внимание привлёк плакат, выставленный в окне двухэтажного кирпичного дома. Плакат гласил: «Ясновидящая. Научу, как найти богатство, душевный покой, любовь, семейное счастье. 5 тысяч женщин посетили меня в прошлом году».

В каком-то справочнике я прочитал, что в Нью-Йорке успешно творят свой бизнес 10 тысяч гадалок и хиромантов. Их клиенты — почти исключительно женщины. Об этом сказала мне гадалка, проживающая в доме на углу Бродвея и 66-й улицы, когда я зашел к ней, чтобы побеседовать о ее профессии. «Сегодня у меня были одиннадцать женщин и только один мужчина», — сказала она. Кто ее клиенты? Девушки, вдовы, многодетные матери. Заходят ли богатые? Конечно, но очень редко. Больше из средних и низших слоев. Да это и понятно. Идут те, кто мечтает о богатстве, жаждет покоя, хочет любви и семейного счастья. Идут те, кто не нашел ничего этого в жизни.

Каждые 24 минуты где-то в США кто-то кончает жизнь самоубийством. Большинство самоубийц — женщины средних лет.

Каждые 12 секунд где-то в США женщина дает жизнь новому существу. И каждые 2 часа 15 минут где-то в США совершается насилие над женщиной. Женщины составляют третью часть всей рабочей силы Соединенных Штатов, но всего лишь 12 женщин избраны в высший законодательный орган США — конгресс.

Уже одни эти цифры достаточно ясно определяют уровень общественной жизни, на котором находится американская женщина. Конечно, и в этом уровне есть свои подъемы и падения. Вот четыре сообщения, которые появились в американских газетах в один и тот же день. Я хочу их привести здесь, потому что в них, в четырех событиях, случившихся в один и тот же день в разных концах

Америки, удивительно ярко и выпукло отразились страшные противоречия и социальные контрасты, характерные для этой богатой и развитой капиталистической страны.

Репортер из Чикаго общался: «Эксцентричная миссис Маргарет Монтгомери, вдова владельца отеля, оставила по завещанию 25 тысяч долларов своим пяти котам. Проценты с этого капитала (1 250 долларов в год) должны идти на содержание котов. Если этих процентов не хватит, завещание разрешает расхаживать и основной капитал. Между прочим, завещание создало целый ряд проблем для налогового бюро. Для выработки декларации о налоге на завещанную сумму потребовалась консультация с экспертами-ветеринарами».

Детройтский репортер писал: «Ее нашли на лестнице церкви святой Марии. Ей не больше трех недель. Она завернута в одеяльце, к которому приколоты записка: «Я люблю ее больше жизни, и поэтому я расстаюсь с ней, моля Всевышнего понять и простить меня. Если я не оставляю ее, она умрет от голода. Три доллара и бутылочка молока — это все, что у меня есть. И все это я отдаю ей. Я прошу тех, кто найдет и приютит ее, каждые три часа поить ее молоком, разведенным напополам водой. Не забудьте добавить в молоко одну ложечку сахара. Раз в день давайте ей воду. Не забудьте вскипятить воду. Простите меня, люди, прости меня, доченька».

В заметке из Лос-Анджелеса говорилось: «Наследница известного миллионера Барбара Хоттон, состояние которой определяют в 42 миллиона долларов, подарила своему сыну Ленсу по случаю его совершеннолетия дом. Постройка дома обошлась в полмиллиона долларов. В доме — мраморный купальный бассейн, который начинается прямо в спальне и затем переходит в зимний сад. Над громадной постелью молодого человека — доска

с 36 кнопками. При помощи кнопок Ленс наполняет бассейн водой, контролирует температуру воды и всего дома, включает и выключает искусственный водопад в зимнем саду, приводит в действие цветное телевидение, стереофоническое радио или магнитофон, опускает с потолка экран и включает спрятанный в нише кинопроекторный аппарат, открывает и закрывает окна в спальне. Молодой миллионер очень доволен подарком любящей матери».

Из штата Флорида корреспондент передавал: «Если ехать на север из Майами, по дороге № 441, а затем повернуть в сторону, то путешественник натолкнется на жалкие хижины в высокой траве. Это район, где в течение зимы работают 35 тысяч кочующих сельскохозяйственных рабочих. Они надеются заработать достаточно денег, чтобы летом двинуться на север для сбора урожая, а затем в течение лета заработать, чтобы снова возвратиться на юг. Г-жа Минфред Мейсон с двумя детьми и ее муж Джо живут в хижине без окон. Единственный источник и обогрева и приготовления пищи — это костер на улице у дверей. Работы все меньше, а голодные рабочие все прибывают и прибывают в их лагерь. Минфред говорит: «Я устала от вечного беспокойства о том, созрел ли урожай, пойдет ли дождь, будет ли буря. Я хочу, чтобы мои дети были сыты. Я хочу жить в доме без крыс, в котором были бы окна. В доме, где через стены не дул бы ветер, а сквозь крышу не лил бы дождь. Я хочу, чтобы мои дети учились. Страшно трудно получить работу, не имея образования. Мы хорошие сборщики урожая, но я никогда в жизни не держала в руках больше 40 долларов. А сейчас у меня нет ни гроша, ни крошки пищи. Мне надоела эта жизнь».

Четыре сообщения одного дня! Главные действующие лица в этих сообщениях — женщины,

которые составляют добрую половину населения Соединенных Штатов. Материальное положение голливудской кинозвезды, которая платит 800 долларов за один визит к дамскому парикмахеру, отличается, конечно, от положения жены поденного сельскохозяйственного рабочего, которая никогда в жизни не держала в руках больше 40 долларов. Но наша ли свое счастье в Голливуде такая актриса, как Мэрилин Монро? За несколько дней до самоубийства она писала: «Здесь, в Голливуде, никто ничего не оставляет после себя. Из вас высасывают все и забывают про вас. Я говорю про тех, кто делает из вас свои миллионы долларов. Я не хочу быть вещью. Я не считаю себя товаром, но так, к сожалению, здесь считают меня. Мне опротивело это».

Конечно, мечты матери маленькой негритянки из Бирмингема отличаются от стремлений какой-нибудь нью-йоркской мешанки с достатком. Черная мать в Бирмингеме учила свою дочку-школьницу не бояться полицейских собак и не плакать в тюрьме, когда ее заберут за участие в демонстрации. Черная мать знала: только так можно добиться свободы.

Нью-Йоркская мать, как и миллионы других матерей в Америке, учила свою 12-летнюю дочь красить губы и ресницы, учила искусству флиртовать, нравиться мужчинам. Она думала: только так дочь может найти жениха-миллионера. Обоих матерей ждал удар.

Черную девочку вместе с двумя тысячами подростков Бирмингема исключили из школы за участие в демонстрациях. Белую девочку в Нью-Йорке тоже исключили из школы. Только в октябре прошлого года из школ Нью-Йорка было отчислено 1 250 беременных школьниц в возрасте от 14 до 16 лет.

Такова официальная статистика.

Так живет женщина в хваленном «американском рае»!

Нью-Йорк, февраль.

Передо мной один из номеров журнала «Работница» 1933 года. Он весь, начиная с обложки, посвящен знаменательному событию: построен большой химический комбинат в Бобриках. Здесь же письмо ударниц комбината журналу. Они писали:

«Мы будем держать крепкую связь с журналом «Работница», читать и распространять его среди женского пролетариата Бобриков..., будем писать в него о своей повседневной борьбе».

Прошло более тридцати лет. И сегодня в юбилейном номере мне хочется рассказать о том, как трудятся молодые химики Новомосковска — дочери ударниц первой пятилетки, дочери тех, кто подписал приветствие журналу тридцать лет назад.

Гале Истоминой — восемнадцать. Каждый день, отправляясь на смену, у ворот химкомбината она проходит мимо двух больших мозаичных панно. На одном — девушка, стирающая руки к солнцу, и надпись: «Мы первые использовали атомную энергию в мирных целях»; на втором — юноша, готовый к полету, и слова: «Мы первые проложили человечеству путь в космос».

Галя подбегает к проходной, не глядя, не останавливаясь.

«Атом», «космос», «мы первые» — это само собой разумеется. А как же иначе?

Тридцать лет — срок для истории небольшой, а между тем, когда тридцать лет назад к этим же воротам строящегося химкомбината подходила Галина мама, Анна Алексеевна, тогда просто Аня, ее встречала вот такая надпись: «Сегодня — комсомольский субботник по сбору гвоздей!»

Субботник по сбору гвоздей на строительстве химкомбината в Бобриках. 1931 год.

Порыжевшая от времени фотография: на большой площади парни и девушки, вооружившись клещами и молотками, вытаскивают гвозди из старых досок.

28 апреля 1928 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР». По этому постановлению строился здесь, в небольшом городке Бобрики, гигант химической промышленности. А одновременно с ним молодая, набирающая темпы Страна Советов строила Днепрогэс, Магнитогорск, Харьковский тракторный, автомобильный завод в Нижнем Новгороде.

Семья новомосковских химиков — Валентин Степанович, Анна Алексеевна и Галина Истомины.

Фото А. ДМИТРИЕВА.

ДОРОГОЙ МАТЕРЕЙ

А. ЛЕВИНА

Ей не хватало и специалистов, и машин, и грамоты, и даже... гвоздей. Вот почему парни и девушки на порыжелой фотографии собирают старые гвозди, чтобы забить их завтра в опалубку фундамента первого советского химического гиганта.

Для того, чтобы узнать обо всем этом, Гале Истоминой не обязательно ходить в музей и разглядывать старые фотографии. История живет с Галей в одной квартире № 6, в одном доме 11/46 по проезду Свердлова в городе Новомосковске: это ее мать — Анна Алексеевна, ее отец — Валентин Степанович — участники строительства и освоения комбината. Когда вечером за столом собираются товарищи отца и подруги матери и начинаются бесконечные разговоры с одним рефреном «А помнишь?», Галя, ее старшая сестра, Нина, тоже работница комбината, да и младшие не пропускают ни слова.

...А помнишь наш поезд? Теперь электричка до химкомбината идет 21 минуту, тогда паровичок тащил вагоны 3 часа. Теплушки, по-правильному бы их называть холодушки, печка железная посреди вагона, едем, топим и пляшем в вагоне, чтоб ноги не отмерзли. Но это еще хорошо, иной раз приложишь ухо к рельсу — нет, не идет, видно, не будет сегодня поезда. Пошли, девчата, пешком. И шли и песни пели, еще как пели!

...А помнишь лапти? Послали нас кокс разгружать и выдали всем лапти лыковые: другой спецбуги тогда не было. Говорят, надевайте поверху, как галоши: туфли-то от кокса сотрутся враз. Мы, девчонки, не послушались, и к вечеру подметок не стало. Идем, режем: в чем теперь ходить? Пожалели нас: выдали ордера на новые туфли-спортсменки.

...А помнишь учебу? Я вон когда на пенсию уходила, трудовую книжку в от-

деле кадров брала, а там девчонки молоденькие — аппаратчицы — получают книжки, глянула в графу «образование»: у одной — среднетехническое, у другой — 10 классов. А у меня значится «начальное». Да и то неправда, и начальное-то полностью не было: один класс и осилила всего, потом в няньках жила, потом в ликбезе заново училась, потом курсы.

...А немец? Немца нашего помнишь? Иностраный специалист, доктор Вайнер. Придет, ткнет пальцем в точку шкалы температур: «Здесь держи режим!» — и уйдет. А как его держать, этот режим? Температура скачет, за хвост ее не удержишь. И так крутишь вентили и эдак, вслепую, ощупью, чутьем устанавливали режим...

Все меньше на комбинате ветеранов: химики уходят на пенсию рано. Но прошлое комбината не забыто. В музее школьники и молодые рабочие внимательно разглядывают трогательные и суровые фотографии.

«Ударники штурма Шат-плотины 25 февраля 1932 года». Косынки, кожаные куртки, молодые лица.

Лозунг на деревянном бараке столовой:

«Прогульщикам, срывщикам социалистического строительства нет места в столовой!»

«Ударники овладения техникой».

«Колонна плотников, идущих на субботник». Сотни парней с топорами и пилами через плечо.

«Ликбез в бараках». Женщины выводят карандашом первые буквы.

А вот постановление Президиума ЦИК СССР о самом первом награждении участников строительства комбината...

«Орденом Трудового Красного Знамени Брагину Веру Ивановну — комсомолку, машиниста цеха синтеза, как инициа-

тора и организатора социалистического соревнования и ударничества среди женщин-работниц.

Вот она, Вера Брагина, смотрит с портрета в том самом памятном номере «Работницы». Короткая мужская стрижка, энергичное лицо, бывшая нянька, черно-рабочая, машинист, рабфакерка. Позже ее послали учиться в Промакадемию.

Долго вглядываются в эти лица и лозунги чубатые восьмиклассники и девушки из цеха синтеза. Правильно, ребята, вчитывайтесь, запомните эти лозунги, унесите их с собой навсегда, потому что как могучий дуб заключен в желуде, как колос запроектирован в зерне, так и все наше сегодня — с победами в космосе и в Большой химии — было заключено и в энтузиазме людей, пришедших на субботник по сбору гвоздей.

Незримые, но крепкие нити тянутся от этих лозунгов первой пятилетки к фактам и делам сегодняшнего дня. Нити, которые не уводят в прошлое, а, наоборот, помогают четче и глубже оценить настоящее, измерить расстояние, которое мы прошли.

Гигант!.. Как любили в годы первых пятилеток это слово! Совхоз «Гигант». «Автомобильный гигант».

Гигантом казался тогда и химический комбинат в Бобриках. Теперь о нем говорят: «Старый комбинат в новом и не виден, как зернышко в яблоке. Вон он весь здесь, на пяталке, у проходной, а новые-то цеха размахались — за день не обойдешь!»

И в самом деле: цех сложных удобрений, где получают нитрофоску, цех гербицидов, цех сырья для лавсана — все это выстроено на комбинате только за последние четыре года.

Да и сами планы, намеченные в постановлении 1928 года «О химизации народного хозяйства», какими скромными кажутся они теперь в сравнении с грандиозными планами, принятыми декабрьским Пленумом ЦК! Иные возможности у страны — иной масштаб и размах у наших замыслов.

«Ударник» — и это слово старое, оно смотрит с пожелтевших страниц бобриковской многотиражки. Оно прошагало с нами многие годы и теперь живет, возмужав, наполнившись новым содержанием — «ударник коммунистического труда».

Сегодня я разговариваю с начальником сменной смены ударников коммунистического труда Еленой Тимофеевной Горбуновой. Она отлично знает молодежь своей смены и их отцов, их матерей. Это придает особую ценность ее словам: «Хорошая выросла смена». Смена не в производственном, а в самом прямом смысле — смена отцам и матерям, второе поколение химиков.

Именно Елена Тимофеевна и знакомит меня с помощником машиниста цеха холодильных установок Галей Истоминой.

Подойдя к пульту управления, на котором установлены десятки приборов, Галей рассказывает о своей работе:

— Если нам надо узнать температуру в пятой емкости, набираем на пульте цифру «5» — этот прибор показывает температуру...

С прибора начинает объяснять свою работу почти каждый, с кем разговариваешь на комбинате. Приборов тысячи, они измеряют все: давление, температуру, концентрацию, записывают расходы

Е. Т. Горбунова.

и получения, фиксируют ход реакции, дают рекомендации. Нужно уметь понимать язык приборов.

...Цех разделения воздуха. Уже само название его звучит почти фантастически. Цех, который получает все из ничего. Широкие трубы уносят из цеха продукцию: кислород, азот. В синих и серых баллонах вывозят аргон и криптон. А сырье в цех не привозят, не приносят. Его сырье — воздух, тот самый, что незримо облекает цех, комбинат и всю нашу землю, воздух, которым мы дышим. С помощью сложных установок его разделяют на составные части.

Знаете ли вы, например, сколько содержится в воздухе газа криптона? Можно сказать, почти совсем не содержится — одна десятитысячная процента!

И все-таки вы заходите в магазин и покупаете «криптоновую лампу». Она будет гореть гораздо дольше обычной. Этот редчайший газ необходим и для выплавки ценных металлов и во многих других процессах. Чтобы получить один небольшой синенький баллончик криптона, где под давлением сжато 6 кубометров газа, надо переработать 6 миллионов кубометров воздуха!

Когда отец Гали Истоминой Валентин Степанович пришел в тридцатых годах на комбинат, он работал лаборантом. Почти во всех лабораториях были одни только мужчины. Теперь Гале смешным кажется даже самое это слово «лаборант», оно перешло в другой род и произносится привычно — «лаборантка»: во всех лабораториях комбината трудятся только женщины.

...«Комсомольский субботник по сбору гвоздей!» — последняя часть этой фразы ушла в прошлое навсегда. А вот первая сохранилась, и ей еще долго жить с нами, в рядах строящихся коммунизма. Только сегодня на субботник ходят уже не с клещами.

Когда пускали цех сложных удобрений, заведующая лабораторией цеха Татьяна Николаевна Буланцева, лаборантка Тамара Моисеева не уходили из цеха сутками. Менялись смены у аппаратов, у реакторов, а они все брали свои бесконечные пробы, разглагольствовали их сквозь стекла спектрометров, пока реакция не пошла так, как надо.

«Ликбез, обучим всех неграмотных!» — вот какой лозунг стоял на газетной полосе над сообщением о строительстве химгиганта в Бобриках. Но и сегодня со-

вершенно неожиданно встретила я на комбинате слово «ликбез». Правда, теперь оно звучало совсем по-новому — «агрохимический ликбез». Заведующая лабораторией удобрений Людмила Федоровна Никитина рассказывала:

— До сих пор мы занимались удобрениями, так сказать, с одной стороны — их производством. Вот и сейчас у нас проводятся опыты по получению сложных удобрений с повышенным содержанием питательных веществ. Мы как-то никогда не думали о тех, кому попадают наши удобрения, умеют ли люди грамотно распорядиться ими.

После декабрьского Пленума ЦК мы побывали в нашем подшефном колхозе «1 Мая», поговорили с агрономом, с механизаторами, с колхозниками и поняли: нам надо проводить «агрохимический ликбез».

Теперь шефы читают колхозникам лекции об удобрениях, помогают оборудовать в колхозе агрохимическую лабораторию. А пока она еще не закончена, почвы для анализов привозят из колхоза сюда, в лабораторию комбината.

Я возвращалась с комбината в переполненной электричке.

На скамейке напротив сидели девушки — я видела их днем: одну — на смене, другую — в лаборатории. Едва тронулся поезд, они извлекли из сумок учебники и как бы отключились от шумной электрички с доминошниками, разносчицей газет, контролерами, они взбирались по лестницам гигантских — во всю страницу структурных формул бензольных соединений, и моя соседка, пожилая женщина в ватнике, сказала, глядя на склоненные головы девчат:

— Вот иной раз и журишь их и ворчишь: мол, что вам, и трудностей не осталось, и на завод электричка возит, и одеться есть во что, «бабетты» на головах устроили. А поглядишь — может, им и трудней нашего, только трудности другие. В обед — с учебником, в поезде — с книгой, после смены — в институт. А иначе нельзя: производство-то все мудренее становится. И девчонки свою ответственность понимают.

Пожалуй, и не скажешь лучше. Да, молодые химики Новомосковска понимают свою ответственность перед страной.

«Мы, которые в недалеком прошлом были батраками, няньками, кухарками, ничего не видящими дальше кухни и плиты, теперь являемся полноценными участниками великой социалистической стройки. Мы испытываем величайшую радость от сознания, что в строительстве Бобриковского химкомбината мы, работницы и жены рабочих, участвовали наравне со всеми пролетариями Бобриков», — писали ударницы Бобриков в журнале «Работница» в 1933 году.

И теперь, когда надо взбираться на вершины техники, погружаться в глубины науки, их дочери, молодые работницы Новомосковска, тоже шагают со всеми наравне, идут дорогой своих отцов и матерей.

НА НАШЕЙ ВКЛАДКЕ:
Галина Истомина (слева) и практикантка — студентка химического техникума Лидия Баринаева у макета одного из производств комбината.

Фото А. ДМИТРИЕВА.

Выдающаяся спортсменка, шестикратная олимпийская чемпионка Лидия СКОБЛИКОВА.

Фото А. БОЧИННА.

Все места на пьедестале почета заняты советскими спринтерами, победительницами в беге на 500 метров. Справа налево: Ирина ЕГОРОВА, Лидия СКОБЛИКОВА и Татьяна СИДОРОВА.

Обладательница трех золотых олимпийских медалей уральская лыжница Клавдия БОЯРСКАЯ.
Фото С. ЮРЬЕВА.

чувстве Любаши в «Царской невесте», одержимая раскольница Марфа в «Хованщине», пробужденная к новой жизни Нилова в опере Хренникова «Мать», коварная Марина Мнишек в «Борисе Годунове» — с каждой из этих спетых и сыгранных на сцене крупнейшего оперного театра страны партий у Надежды Матвеевны связано какое-нибудь воспоминание.

Нет, сейчас, сидя рядом со мной, она не просто перебирает старые, утратившие смысл реликвии. Она заново переживает и сомнение — ох, не очень-то она готова сегодня, — и тревогу — хоть бы все обошлось хорошо, — и гордую радость — ну, конечно, разве могла Ира спеть плохо...

Но вот и последняя папка. В ней собраны переведенные на русский язык рецензии зарубежной печати. Ведь Архипова пела на многих оперных сценах мира. Ее слушали Италия и Польша, Венгрия и Румыния, ГДР и Австрия, Финляндия и Япония.

После первого представления «Кармен» в Неаполе, где она пела с прославленным Марио дель Монако, местные газеты писали: «Русская певица обладает большим, горячим, страстным артистическим темпераментом. Образ Кармен, созданный ею, глубок и выразителен».

Рецензии, заметки, фотографии, снова рецензии. Все перечитать просто невозможно. Я и не пытаюсь. Могут ли самые пылкие слова восхищения заменить непосредственное впечатление! А я слышала Ирину Архипову в «Кармен» и «Царской невесте», в «Аиде» и «Хованщине», наблюдала в концерте и на репетиции. И всякий раз заново меня пленяла удивительная музыкальность и необыкновенная искренность певицы. Пожалуй, лучше всего Архиповой удаются характеры сильные, самобытные и страстные. Ее Кармен хороша именно непосредственностью чувств. И все-таки мне почему-то милее Любаши. Характер тоже и сильный, и страстный, и в то же время очень русский по какой-то широте и самозабвенности. Надежда Матвеевна согласна со мной.

— А вы не слышали Иру, — спрашивает она, — в «Фальстафе» и «Дон Карлосе»? Нет? Обязательно послушайте! Ее Эболи в «Дон Карлосе» великолепа. Особенно порадовали меня арии из пятой и третьей кар-

тин. Это же труднейшие из всех существующих для меццо-сопрано партий! А она поет точно, четко и раскованно.

Прежде чем окончательно проститься с Надеждой Матвеевной, я по ее просьбе слушаю запись романсов Шапорина в исполнении Архиповой.

— Не правда ли, как чисто звучит голос?

Да, голос Архиповой действительно звучит прекрасно. А Надежда Матвеевна, вдруг отвернувшись к окну, почти шепотом, ни к кому не обращаясь, произносит:

— Только бы не появилось у нее довольства собой, только бы она не успокоилась!

В приемной депутата

Их собралось больше двадцати. Мужчины и женщины, старые и молодые, средних лет и совсем юные. И у всех какая-нибудь нужда к депутату. Один просит квартиру, другой — помощи в устройстве на работу, третьей не удается поместить ребенка в детский сад, четвертая хлопочет о пенсии, пятый приходит с общественным поручением...

Первое время, собираясь на депутатский прием, Ирина Константиновна волновалась не меньше, чем перед выходом на сцену: а вдруг не разберется, вдруг откажет человеку, которому можно и должно помочь. Сейчас волнений стало меньше, а ответственности больше. После каждого приема в блокноте депутата десятки записей. Большинство из них — дела очень срочные, которые надо решить как можно скорее. И от приема до приема Ирина Константиновна старается побывать и в Президиуме Верховного Совета СССР, и в Моссовете, и в райисполкоме.

Не часто, но случается, что люди приходят к депутату не только с требованиями и просьбами, но и поблагодарить за оказанную помощь.

В тот день, когда я сидела у депутата Верховного Совета СССР Ирины Архиповой, в приемную вошла заплаканная женщина. Вошла и стала у порога. От слез, которые была не в силах сдержать, она долго не могла произнести ни слова. Потом всхлинула и прошептала:

— Спасибо, если б не вы...

— При чем же здесь я? —

Ирина Архипова в роли Кармен.

поднялась ей навстречу Ирина Константиновна. — Наши советские законы благодарите.

Но женщина благодарит депутата и неожиданно просит:

— Можно обнять вас? — И, расцеловав Архипову, уходит.

Когда за посетительницей закрылась дверь, Ирина Константиновна сказала:

— Бывают дела — я не эту женщину имею в виду, для нее мы почти что ничего не сделали, — после которых действительно чувствуешь огромное удовлетворение и

какую-то особенную нужность людям!

* * *

Когда-то, еще в архитектурном, она мечтала построить концертный зал, в котором человеческий голос звучал бы предельно полно и чисто. Но призыванием стала музыка, и она ушла в нее, оставив товарищам по студенческому аудиторию право на осуществление своей давней мечты, чтобы когда-нибудь войти в созданный ими прекрасный зал и переполнить его всей силой своего голоса, своего волнения, радости и любви.

БОРЕЦ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ

9 марта 1964 года в нашей стране и за рубежом будет широко отмечено 150-летие со дня рождения классика украинской литературы, выдающегося живописца, пламенного революционера и демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

Придавая особое значение этой знаменательной дате, Совет Министров Союза ССР принял два постановления: о сооружении памятника Т. Г. Шевченко в Москве и о создании Всесоюзного юбилейного шевченковского комитета во главе с Н. С. Тихоновым. Всемирный Совет Мира и ЮНЕСКО также включили шевченковскую дату в список своих юбилеев на 1964 год. Всенародное признание в нашей многонациональной стране и глубокое уважение всего прогрессивного человечества гениальный украинский поэт снискал своей подвижнической борьбой за счастье народное, своей непримиримостью к национальному и социальному гнету, своим интернационализмом.

«Тарас Григорьевич Шевченко близок и дорог всем народам нашей великой Родины, — сказал Н. С. Хрущев, — потому, что он в своих произведениях выражал думы не только украинской бедноты, но и думы трудящихся всех наций».

Действительно, жизнь поэта, его творчество были посвящены трудовому народу. Ни десятилетняя ссылка, ни преследования — ничто не сломило его: до конца жизни он оставался верен революционным идеалам.

Т. Г. Шевченко по праву считается основоположником новой украинской литературы. Как писатель истинно народный, он касался в своем творчестве всех сторон жизни родного народа, его истории, его современности, его будущего. В числе многих других важных и животрепещу-

щих тем в творчестве Тараса Шевченко большое место занимает тема горькой женской доли. Ей посвящены многие стихи и песни, поэмы, повести. С огромной болью пишет он о матерях-беднячках, жизнь которых проходит в вечной нужде и горе, о многострадальных сестрах, об униженных, несчастных девушках.

Поэт-академик М. Ф. Рыльский подчеркивает, что образ матери-страдальницы, матери-мученицы проходит через все творчество великого кобзаря. Этот образ мы найдем в поэмах «Материна», «Княжна», «Ведьма», «Марина»... «Такого пламенного культа материнства, такого апофеоза женской любви и женской муки не найти, пожалуй, ни у одного из поэтов мира, — пишет М. Рыльский. — Несчастный в личной жизни, Шевченко высокую и чистейшую красоту мира видел в матери, женщине».

Перечитывая полные сердечного тепла стихи Тараса Шевченко о горькой участи женщины, близкие и созвучные стихам Некрасова на ту же тему, читатели поймут величие Октября, принесшего советским женщинам свободу и неограниченные возможности для творческого развития. Навсегда уничтожены в нашей стране эксплуататоры, о которых с таким испепеляющим гневом писал Шевченко в своих стихах и поэмах, навсегда уничтожен национальный гнет, всю пагубность и бесчеловечность которого клеймил поэт. Россия из тюрьмы народов превратилась в страну свободных народов-братьев. Сбылось то, о чем страстно мечтал кобзарь:

...на воспрянувшей земле
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать, и свято
Жить будут люди на земле.

Тарас Шевченко не просто мечтал об этом, а боролся сам и призывал народ восстать с оружием в руках, разорвать цепи, добиться свободы. Вот почему люди, строящие коммунизм, с такой неизменной и благоговейной любовью чувствуют великого поэта.

В эти дни со всех концов страны во Всесоюзный юбилейный комитет поступают вести о том, как широко и повсеместно отмечается 150-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко. Пишут из Якутии и Литвы, Таджикистана и Карелии, Тувы и Белоруссии, Казахстана и Молдавии... Всюду проводятся доклады, беседы, лекции, научные конференции, посвященные его жизни и творчеству, выпускаются новые издания произведений Шевченко и исследования, посвященные ему.

Празднование юбилея Шевченко продлится три месяца. В двадцатых числах мая в Киеве и Каневе состоится международное собрание и объединенный торжественный пленум правлений Союза писателей СССР и УССР, посвященные творчеству Шевченко.

На эти торжества приедут представители всех братских республик Советской страны и около 60 крупнейших зарубежных писателей, ученых и общественных деятелей. В Москве к тому времени откроется большая художественная выставка, на которой будут экспонироваться произведения Т. Г. Шевченко-живописца, а также посвященные ему произведения дореволюционных и современных художников и скульпторов. Предполагается, что в эти дни в Москве состоится и открытие памятника Тарасу Шевченко.

Сто двадцать лет назад в знаменитом стихотворении «Завещание» поэт обращался к своим потомкам:

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрый, тихим словом.

В нашей необъятной стране чтят и помнят великого украинского поэта-революционера.

И. КАРАБУТЕНКО

Иллюстрации художника Г. ХОМАЗЫ к произведениям Т. Г. Шевченко.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ГРАЖДДАНИН...

А. ПРОТОПОПОВА

Наблюдая за играющими не遠далеке ребятами, я вижу, как ярко проявляются в игре их характеры. Моя фантазия неудержимо несет меня к тому времени, когда они станут взрослыми. Счастливые малыши! Им предстоит войти в коммунизм в полном расцвете сил, с жаждой знаний, с беззаветной готовностью к труду. Какая это будет гармоническая жизнь! Как легко будут дышать люди, сбросив с себя остатки недоброжелательства друг к другу, зависти, корыстолюбия!..

Но действительность не любит, когда от нее уходят далеко, она требует строить будущее сегодня, каждый день, каждый час. И чем ярче мечта, тем больше нужно труда для ее воплощения.

...Громкий детский плач прервал мои мысли. Шустрый долгоязыкий мальчонка вырвал у одного из малышей мяч и забросил его в цветочную клумбу. Малыш громко заплакал, а обидчик, увидев во дворе родителей, как ни в чем не бывало с радостным криком помчался к ним. Отец подхватил сына, несколько раз подбросил вверх, ласково приговаривая: «Ах ты мой забияка! Ах ты мой хулиганишка! Ты зачем же это обижал товарища? А?» В голосе отца не слышалось осуждения, напротив, он как бы гордился поведением мальчика: вот, мол, какой сын-то у меня храбрец...

Обласканный отцом сын обернулся к плачущему малышу и показал ему язык. Я подошла к обиженному мальчику, взяла его за руку, и мы пошли за мячом. «Ленька плохой», — резюмировал мой маленький спутник, размазывая рукавом слезы. А я подумала, мысленно беседуя с молодыми родителями: «Нет, пока еще ваш Ленька не плохой. Вероятно, и вы, его родители, хорошие люди, но неумелые воспитатели, это несомненно. И Ленька ваш может вырасти не таким, как вы мечтаете».

«Да ведь некогда! — часто приходится слышать от родителей. — Оба работаем, детей мало видим...» Но все же видят! Каждый день видят. «Для воспитания», — говорил А. С. Макаренко, — нужно не большое время, а разумное использование малого времени». Пока отец тискал в объятиях своего «хулиганишку», прошло минут семь. А для того, чтобы приказать сыну: «Подними мяч, отдай товарищу и скажи, что ты никогда больше не будешь его обижать», — не потребовалось бы и пяти минут. А родители преподали бы мальчику наглядный урок справедливости.

Такие уроки не даются по расписанию, их диктует жизнь. Иногда минуты общения с ребенком прочерчивают в его сердце такой след, который ложится в основание характера.

Вот небольшая зарисовка с натуры.

— Мамочка, я наелась дыни, а осталь-

ное отдала Люсе. Ее мама не покупала дыни.

— Умница! Ты у меня добрая.

Муж рассмеялся.

— Ты чего смеешься? — недоуменно спрашивает жена.

— Сама сообрази. — И серьезно к дочери: — Ниночка, а почему же ты сразу не разделила свою порцию пополам — себе и Люсе?

Девочка смотрит на подружку, переводит взгляд на мать, а затем поворачивается к отцу. Чувствуя что-то неладное, она, краснея, растерянно отвечает:

— Я... я не знаю.

Мать похвалила дочку, не подумав. Но если бы отец пропустил мимо ушей ее реплику? И не раз, не два, а много раз? С каким бы убеждением росла дочка? Сначала себе, а потом другим. Если мало — все себе, до других нет дела, а при известных обстоятельствах себе и за счет других...

А бывает и так: родители — добрые, сердечные люди. Они видят, что их сын или дочь растет таким же отзывчивым человеком. И радуются: «Такой добрый — последнее отдает другому». Но ведь и в доброту ребенка надо всматриваться! Доброта бывает разная. Не ведет ли она в том или ином случае к формированию характера дряблого, хлипкого, неспособного к сопротивлению злу? Доброта может выродиться в беспринципность, в бесхарактерность, в моральную неустойчивость. Известны в жизни примеры, когда эдакий «добренький» человек из жалости скрывает дурной поступок товарища по работе и вместо добра приносит зло и своему товарищу и обществу.

Или возьмем такое качество, как мужество. Некоторые родители думают, что надежной основой мужественного характера является внешнее проявление храбрости. Отец с глубоким удовлетворением отзываясь о своем сынишке: «О, наш Колька умеет постоять за себя! Он всегда дает сдачи!» И в глаза мальчику: «Молодец, сыночек! Я сам был такой...» Словом, культивируется эта якобы мужественная черта: «дать сдачи», «расквасить нос обидчику».

Мне же думается, что истинная мужественность развивается благодаря дисциплине, освещенной ясным сознанием. Чтобы сдерживать себя, твердости требуется больше, нежели взмахнуть кулаками и с помутившимся сознанием ринуться в драку. В последнем случае человек действует, не владея собой, импульсивно, в первом же случае он сжимает в кулак не пальцы руки, а все силы своей души, проявляет настоящее мужество.

В нравственных поступках детей удивляют, как в чистописании: чем больше упражнений, тем крепче привычка

поступать хорошо, правильно. Опытный воспитатель не пройдет мимо дурного поступка ребенка. Он обязательно разберется и добьется, чтобы ребенок понял свою ошибку или вину и сам осудил себя, — в этом главное.

Одиннадцатилетний Вася с сияющим лицом сообщает отцу:

— Папа, я сегодня в бассейне прыгнул сразу! А некоторые ребята не сразу! Инструктор похвалил.

— Что же он сказал, инструктор? — спрашивает отец.

— Он сказал... Ну, он сказал, что я... храбрый.

— Конечно, Васек, чтобы прыгнуть с вышки, нужна известная доля храбрости, — сказал отец. — Но главное тут — умение, ловкость, расчет. А храбрость... Ты вот иногда пытаешься обмануть нас с мамой. Набедокуришь — и в кусты. А почему? Трусишь, не хватает у тебя мужества сказать нам правду. А вот когда ты научишься признавать свои ошибки, тогда можно сказать, что ты действительно храбрый. Согласен?

Сколько ни тверди ребенку, что, скажем, лгать стыдно, лениться нехорошо, обижать слабого позорно и т. п., толку большого не будет. Я слышу, как мать ежедневно повторяет семилетней девочке: «Надо все учиться делать, надо за собой вымыть посуду, убрать комнату, накрыть постель...»

Надо... Надо... Надо... Девочка слушает и тут же все забывает. В ее сердце не задела ни одна струна. Очевидно, «надо» — это скучная, неубедительная и малоодоходчивая «педагогика». Иногда это «надо» даже вызывает у детей желание сделать что-то наоборот.

В другой семье девочке такого же возраста говорят: «Вот мама-то обрадуется, когда увидит, как ты хорошо убиралась в комнате! Как приятно будет маме отдохнуть после работы!» И девчушка убирается и напевает... А когда мать, придя с работы, ее хвалит, девочка сияет от счастья.

Важно усвоить принцип: привлекать детей к труду не ради самого труда, а во имя той пользы и радости, какую их труд приносит близким в семье, товарищам в школе, а в дальнейшем и обществу. Нужно уметь, тактично использовать детский труд как средство для воспитания действенной любви к людям.

Наши дети слышат по радио, видят на экранах кино и телевидения фильмы, читают книги о трудовом энтузиазме советских людей, о подвигах героев, о чести, о совести... Но не всегда мы, воспитатели, умеем связать виденное и слышанное детьми с жизнью, с их делами и поступками. Не всегда учим их самих вглядываться в окружающую жизнь, наблюдать, размышлять, постигать, что правдивость, трудолюбие, мужество,

Мы никогда не ссоримся.

Фото Г. КАЛИНИНОЙ.

честь и совесть и многие другие благородные качества несут с собой жизнерадостное настроение и придают человеку внутреннюю красоту.

Как-то я получила письмо от одного отца, у которого сын — подросток. «Некоторые мои наблюдения», — делится автор письма своими мыслями, — заставляют думать о недостатках нашего общественного воспитания... Вчера я сел у телевизора вместе с сыном посмотреть фильм «Заре навстречу». Я смотрел его два раза, но и в третий раз он захватил меня. А сын посмотрел немного и поднялся. Я спрашиваю: «Разве тебе не интересно?» А он отвечает: «Это все известно!» И ушел... Не кажется ли вам, что в воспитании нашей молодежи мало используется такое средство, как традиции отцов?»

Нет, не мало! В школах и в высших учебных заведениях, на предприятиях молодежь часто встречается со старыми коммунистами, Героями Советского Союза, Героями Социалистического Труда. Сегодняшние мальчишки и девчонки, юноши и девушки хорошо знают, что их деды и отцы отдавали свои жизни в борьбе за свободу Родины. И по их примеру новые поколения самоотверженно служат своему народу, идут в жизнь, воздвигая гигантские стройки, покоряя целину, космос...

И не удивительно, что все тревожнее становится на душе у тех родителей, чьи дети как-то выпадают из общего ритма жизни. Родители чувствуют, что чего-то недосмотрели, чего-то недоделали, упустили в воспитании своих детей.

Но тут опять и опять приходится ска-

зать: человек начинается в семье. И если говорить о значении традиций в воспитании, то прежде всего надо говорить о традициях в семье.

Кто-то из древних философов сказал: «Слова учат, примеры влекут».

Мне вспоминается один вечер, проведенный в знакомой семье. Глава семьи Прокофий Иванович, проработавший на заводе 40 лет, ушел на пенсию. Накануне в заводском клубе многотысячный коллектив рабочих чествовал старого кадровика. На торжестве присутствовали и все члены большой семьи деда: дочери с мужьями, сыновья с женами, внуки. Я пришла к Прокофию Ивановичу на следующий день. Внук-пионер рассматривал дедушкины почетные грамоты. За многолетнюю трудовую деятельность их скопилось у деда немало. Заметив мой интерес к грамотам, мальчонка стал охотно пояснять:

— Вот самая первая дедушкина награда... Видите, бумага уже пожелтела... А эту грамоту дедушка получил, когда заводу исполнилось десять лет. Ему тогда и орден вручили. Дедушка, можно, я покажу твой орден?..

Внук обстоятельно рассказывал мне историю каждой награды. А потом показал поблекшие от времени красный бант и бумажный флажок, с которыми дедушка ходил на первую рабочую демонстрацию.

— Он тогда был совсем молодой, чуть-чуть постарше меня, — рассказывал внук, и в его глазках светилась гордость: вот, мол, какой у нас дед, необыкновенный!

Он показал еще первую деталь, вы-

точенную на фрезерном станке его отцом, когда он учеником пришел на «дедушкин» завод, выдавшую виды фронтовую папину шапку (папа в войну сапером был)... Все эти реликвии бережно хранятся в семье.

Но есть семьи, где это считают мелочью. И в пренебрежении к подобным «мелочам» некоторые родители не замечают парадоксов в воспитании своих детей. Наступает, например, большой революционный праздник. Пионер волнуется: сегодня он идет с отрядом к шефам поздравить с праздником. Но пионеру и в голову не пришло, умывшись, одевшись, причесавшись, поздравить прежде всего папу и маму. Самое же главное: это не приходит в голову ни папе, ни маме! А через несколько лет, когда сынок улетит из родного гнезда, будут удивляться: «А? Даже с праздником не поздравил!» Так ведь не было же в семье такого порядка! Чего же тут удивляться?

А разве не бывает в жизни, например, так? У товарища родился первенец, другой товарищ получил орден, третий закончил институт и получил диплом инженера — подвернется случай — поздравим, а не подвернется — и малейшего усилия не приложим, чтобы отметить событие в жизни товарища, хотя бы двумя-тремя словами по телефону или почтовой открыткой. Настолько это кажется «не главным», что люди и не обижаятся друг на друга. Не заведено!

А ведь дело тут не только в том, что все эти «мелочи» украшают жизнь, делают ее уютнее, теплее, дружнее. Приятно и радостно думать, что есть где-то люди, занятые делами, своими заботами, а вот вспомнили, урвали минутку, разделили с тобой радость. Но главное-то заключается в том, что тот, кто не научен с детства делить радость с товарищем, тот равнодушно пройдет и мимо горя. У такого человека вырабатывается невнимательное отношение к окружающим, к тому, чем люди повседневно живут, к их внутреннему миру. А отсюда неряшливость, небрежность может распространиться и на общественное поведение в широком плане.

В семье, где есть традиции, такие поступки, как, скажем, предупредительность к старшим, считается обычным делом, впитывается, как говорят, с молоком матери, без затраты специальных усилий. Молодой человек из такой семьи просто не может, например, сидя разговаривать со старшими, не может не подать старшему стул, пальто, не взять у него ношу. И уж, конечно, он не может не уступить место в трамвае, в автобусе; он делает это непроизвольно, легко, непринужденно, как что-то само собой разумеющееся: так всегда поступали и поступают по отношению к старшим в его семье. В таких случаях в народе говорят: «У них это в роду», то есть такова семейная традиция.

Когда молодые родители, мечтательно глядя на своего первенца, говорят: «Мы хотим, чтобы наш сын вырос коммунистом — человеком мужественным, честным, целеустремленным, творческим, чутким, отзывчивым», — хочется сказать им: «Будьте такими сами, создайте в семье благородные традиции, и тогда вам нетрудно будет достигнуть цели. Ибо ту же цель — воспитать из вашего сына коммуниста — преследуют и школа и общество».

Рамы, подоконники, двери, покрытые масляной краской, лучше всего мыть теплой водой, добавив в нее нашатырный спирт (1—2 столовые ложки на ведро воды). Потускневшую краску полируют до блеска так называемым опилочным составом: 2 столовые ложки уксуса на литровую банку просеянных опилок.

Жировые пятна с ковров удаляют кашицей из бензина и синтетического моющего порошка; эту кашицу втирают в пятно, оставляют на ночь, а утром замывают пятно горячей водой. При застарелых пятнах чистку приходится повторять.

Чтобы освежить краски ковра, его протирают после чистки влажной тряпкой, смоченной столовым уксусом.

Мутный налет на стеклах удаляют тряпкой, смоченной столовым уксусом. Затем стекла моют, как обычно, чистой водой и досуха вытирают мягкой бумагой круговыми движениями. В прода-

Прошлой осенью я пыталась побелить свою квартиру, но раствор никак «не хотел» держаться. Наверное, я что-то делала не так. Подскажите, как правильно побелить квартиру, — ведь наступают весна, хочется, чтобы дом выглядел нарядным и свежим.

А. Митрофанова
г. Актюбинск.

Побелку начинают с потолка, застелив пол слоем опилок или старых газет. С потолка шпателем удаляют старую побелку, замазывают щели и трещины, проводят купоросную грунтовку и лишь после этого белят маховой кистью: первый раз — параллельно окнам, второй раз — перпендикулярно к ним.

же имеются специальные моющие средства, но, пользуясь ими, надо следить, чтобы состав не попал на рамы.

Пожелтевшие от времени тюлевые занавеси можно отбелить порошком «Персоль» (2 порошка на ведро горячей воды). В этот раствор погружают на несколько часов уже выстиранные занавеси. Для придания им блеска в крахмальный раствор добавляют на каждый литр столовую ложку талька (продается в аптеках).

Некоторые предпочитают белым занавескам кремовые, так как они дольше сохраняют свой нарядный вид. Придать занавеси кремовый оттенок можно процеженным отваром кофе (в литре кипятка заваривают 2 чайных ложки кофе). Прежде чем опустить всю штору в кофейный раствор, попробуйте сначала окрасить маленький кусочек тюля. Если краска окажется слишком густой, разбавьте ее горячей водой; если слабой, то увеличьте количество кофе до получения требуемого оттенка. Кофейный раствор прибавляют в приготовленный крахмал.

Тяжелую мебель передвигать значительно легче, если под ножки положить кусочки фетра.

Чтобы квартира стала нарядной

Шпаклевка

100 г столярного клея опускают в холодную воду (5 л) на 12 часов, после чего распускают на слабом огне. В горячий клеевой раствор, помешивая, добавляют две столовые ложки олифы, а затем всыпают 3 кг молотого и просеянного мела. Полученную массу замешивают до получения однородного теста.

Купоросная грунтовка

В двух литрах кипятка растворяют 100—150 г медного купороса и отдельно тоже в двух литрах кипящей воды — 200 г столярного клея, предварительно размоченного в холодной воде. В горячий клеевой раствор добавляют 250 г мелко нарезанного хозяйственного мыла и затем 30—50 г олифы. В эту эмульсию доливают заготовленный ранее раствор медного купо-

Если чистые стекла протереть раствором медного купороса (1 чайная ложка на литр воды), они приобретают красивый зеленоватый оттенок. Сухая ультрамариновая синька придает стеклам голубоватый оттенок.

Засохшую замазку легко снять, если смазать ее машинным маслом и оставить на ночь. К утру замазка станет мягкой и легко отчистится. Полоски бумаги на окнах можно смыть теплой водой, смоченной питьевой содой (на литр воды — чайная ложка соды).

Пятно на обоях иногда удается снять обыкновенным мягким ластиком для карандаша. Жирные пятна протирают бензином или порошком магнезии.

Дубовую мебель, в особенности жирные пятна на ней, хорошо чистить теплым пивом. Чтобы придать мебели глянец, надо протереть ее смесью, состоящей из 1 стакана пива и небольшого кусочка воска. Перед употреблением смесь прокипятить. Когда мебель обсохнет, ей придать блеск, натирая мягкой шерстяной тряпкой.

Жировые пятна (следы пальцев) с полированной поверхности можно удалить, потерев их тальком.

Полезные советы

Чистить люстры следует при выключенном токе. Сначала щеткой и теплой водой с содой и мылом удаляют первую грязь. Делают это осторожно, чтобы не замочить электропроводку. Если после мытья и просушки будут заметны следы от мух, то их надо протереть ваткой, смоченной спиртом или водкой. Люстры из анодированного алюминия не следует сильно тереть, так как их можно обесцветить. На отмытую люстру наносят кашицу, приготовленную из зубного порошка и нашатырного спирта, дают ей высохнуть и вытирают чистой сухой тканью. Этим же составом чистят и стеклянные украшения на люстре. Углубления прочищают острой деревянной палочкой.

Для устранения неприятного запаха из кухонных раковин следует не реже одного раза в неделю промывать сточную трубу кипящим раствором стиральной соды: 2 столовые ложки на литр кипятка.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

Клеенка очень портится от нашатырного спирта и соды. Мыть ее нужно теплой водой с мылом, а затем, сполоснув холодной водой, насухо вытереть мягкой тряпкой.

роса. Смеси дают немного остыть и кладут в нее 3 кг просеянного мела. Болтушку разбавляют теплой водой с тем, чтобы получилось всего 10 л жидкости (одно ведро).

Побелка

Замешивают в густое тесто 1 кг просеянного мела, 40 г синьки и 0,5 л воды. В холодной воде размачивают 60 г плиточного клея, через двенадцать часов клей распускают на легком огне и добавляют в меловую пасту. Всю массу разбавляют водой до образования сметанообразной жидкости, которая должна легко стекать с кисти. Во время работы ее размешивают, не давая оседать мелу.

Многие предпочитают делать модную сейчас цветную окраску стен. Для этого сначала, как и при побелке, удаляют старую краску: стены предварительно смачива-

ют водой и намокнушую краску удаляют шпателем. После просушки замазывают щели и трещины, затем стены грунтуют сначала в горизонтальном, а затем в вертикальном направлении.

Краску для стен готовят так же, как побелку для потолка, только количество клея увеличивают вдвое.

Подбор цветов и оттенков краски проверяют, намазав пробу на кусок стекла, который затем подсушивают на легком огне.

Если краска получилась слишком темной, в нее добавляют немного мела; светлую краску затемняют добавлением цветных пигментов.

Точное количество мела и краски определяют путем подбора нескольких проб. После подбора нужного цвета краску надо приготовить на всю работу целиком, так как добавочное составление краски может дать некоторую разницу в оттенке.

Подсмотрено нашими читателями...
Фото А. АЛБУЛ, Н. САПРОНОВА,
Г. ОБЧАРУК.

На первой и четвертой страницах обложки: Портреты наших современниц (фото Н. Маторина), публиковавшиеся в «Работнице».

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки платьев, модели которых помещены на 3-й странице обложки.

Шейте сами

Юбка с защипами, слегка расширенная книзу, из шерстяной, полушерстяной или плотной шелковой ткани элегантна и модна.

Раскраивать ткань следует по бумажным выкройкам, составленным в натуральную величину, точно по указанным в чертежах размерам. При этом следует строго следить за правильным расположением долевой нити и рисунка ткани. На швы нужно сделать припуск: по линии боковых швов — 3 см, по линии талии — 1,5 см, по низу — 5 см.

Все имеющиеся на чертежах контрольные линии и знаки нужно обязательно нанести на выкройку, а уже с них — на ткань.

После того как ткань будет разрезана, по знакам и контурам выкройки проложить силки (наметать нитками), обозначающие положение защип и линий швов.

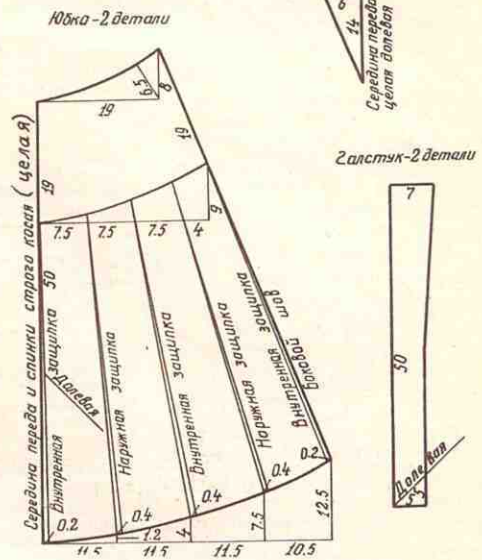
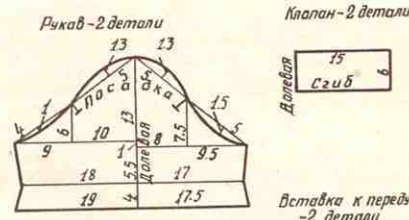
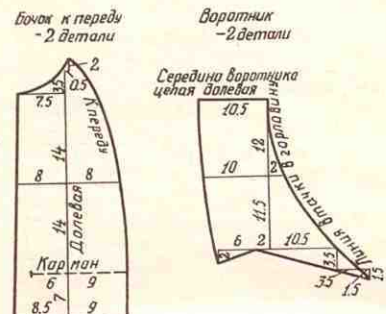
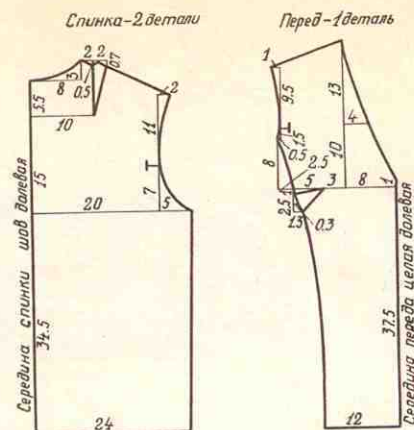
Выкроенные детали юбки прогладить утюгом через влажную прокладку, стараясь оттянуть ткань книзу. После этого заложить защипы, закрепить их сметочными стежками и юбку сметать по линиям боковых швов. В таком виде делается первая примерка и устраняются допущенные неточности. Затем защипы прострочить, чередуя — одну на лицо, другую изнанку (сначала строчат все лицевые защипы, а потом все изнаночные). Строчат снизу вверх швом, сходящим на нет у линии бедер. Отпарить их утюгом по сгибам ткани; излишнюю ткань на линии бедер сгладить. Теперь прострочить боковые швы, лишнюю ткань в швах срезать, края обметать и разутюжить на две стороны.

Ткань для пояса, сложенную вдвое, проутюжить и приметать к верхней части юбки. В боковой шов с левой стороны вметать застежку «молния». После этого сделать вторую примерку. Линия низа юбки намечается по линейке: ее устанавливают вертикально на пол и через каждые 15—20 см делают отметки на ткани нитками или булавками. После второй примерки пояс пристрочить двойным машинным швом: первая строчка с изнаночной, вторая с лицевой стороны юбки; втачать «молнию», к поясу пришить крючки.

Низ юбки подшивается различными способами — потайным швом или с окантовкой косой полоской.

Готовую юбку прогладить через влажную прокладку.

С. СЕМЕНОВА,
конструктор-модельер

Адрес редакции:
МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПР., 14.
ТЕЛЕФОНЫ отделов:
промышленный — Д 3-35-69; международной жизни — Д 3-30-63; литературы и искусства — Д 3-30-63; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 3-34-15; зав. редакцией — Д 3-30-05.

Рукописи не возвращаются.

Главный редактор **В. Е. ВАВИЛИНА.**
Редакционная коллегия:
Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.
Технический редактор
В. МАСЛЕННИКОВ.

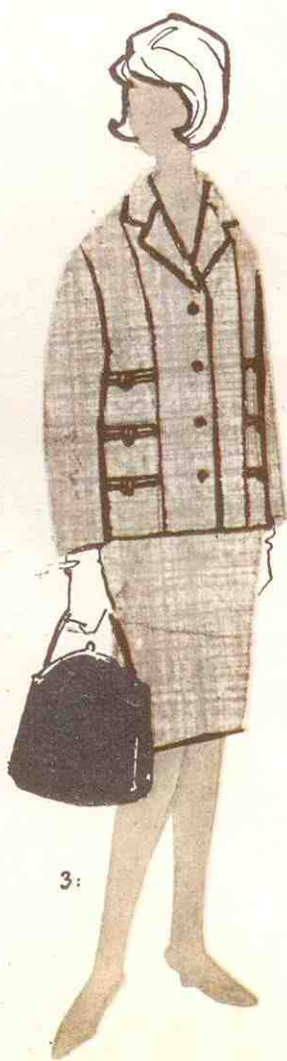
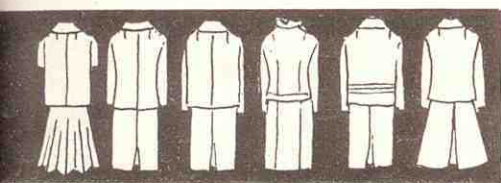
А 00343. Подписано к печати 27/II-64 г.
Тираж 4 200 000 экз. Зак. № 561.
Изд. № 408. Формат бумаги 60 × 92 1/8.
2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОДЕЛИ
КОМБИНАТА
ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Москва

Цена номера 10 копеек.
Индекс 70770

